

ЛАНА СИНЯВСКАЯ

ФИАЛКИ ДЛЯ ВЕДЬМЫ

ОСЕНЬ СТРАШНЫЙ СЕЗОН

«ЛАНА СИНЯВСКАЯ — УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ».

Лана Синявская
Фиалки для ведьмы
Серия «Приключения ясновидящей
Анны Сомовой», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=417722
Синявская Лана Фиалки для ведьмы: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36666-8

Аннотация

Даже большая удача может сулить крупные неприятности! Именно это произошло с Нурией, приехавшей из России в американский городок Дэнверс. Ведь дом, который она купила по дешевке, когда-то принадлежал могущественной Салемской ведьме, о которых до сих пор ходят по городку ужасные слухи. Страшные кошмары мучают дочь Нурии Лельку – особенно после того, как она наткнулась на труп обезглавленной старухи. Но не только кошмары одолевают девочку-подростка – ведьмы, которые до сих пор не перевелись в Дэнверсе, жаждут заполучить в свои ряды новую невинную душу. И вот Лелька оказывается на Черном Троне, еще чуть-чуть, и она станет одной из них... Но Анна, подруга Лелькиной матери, рискуя навлечь на себя проклятие всех поколений Салемских ведьм, спешит ей на помощь...

Ранее роман выходил под названием "Роскошь бессмертия"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лана Синявская

Фиалки для ведьмы

Единственное, что надежнее, чем магия, – это твои друзья.
В. Шекспир. «Макбет»

Глава 1

– Сожалею, но мы ничем не можем вам помочь.

Анна до крови прикусила губу в отчаянной попытке сдержать слезы. Голос врача был полон профессионального сочувствия; для него, соприкасающегося с людскими страданиями ежедневно, ее горе было всего лишь одним из многих случаев в его врачебной практике. Она прекрасно понимала, что он ни в чем не виноват, но боялась поднять глаза, чтобы он не увидел плещущуюся в них ярость, хотя знала, что несправедлива. Уже направляясь сюда нынешним утром, она знала, что положение безнадежно, но, вопреки здравому смыслу, сейчас ее захлестывала волна бессильной ненависти ко всему миру, неспособному облегчить страдания невинного ребенка.

И все же не удержалась, посмотрела на врача, встретила взглядом с его карими, собачьи ласковыми глазами. Ее передернуло. Важный для нее разговор проходил не в кабинете, как это принято, а в вестибюле городской клиники. Пол под ногами был из белого мрамора, стены целиком, от пола до потолка, покрывала плитка, тусклый блеск которой отчего-то показался Ане неприятным. Не нравился ей и стоящий перед ней полный краснощекий мужчина, выглядевший просто неприлично здоровым. Облаченный в белые брюки и куртку хирурга, он тем не менее меньше всего походил на врача: слишком уж румяными были щеки и тяжелой челюсть. Вот только глаза...

– Понимаю ваши переживания, – снова заговорил доктор, участливо касаясь ее руки, – и еще раз спешу напомнить, что, если отыщется хотя бы один родственник ребенка, я имею в виду кровного родственника, – деликатно поправился он, ощутив мелкую дрожь, пробежавшую по руке девушки, – то операция вполне возможна. Разумеется, вам придется получить согласие этого родственника, но это уже вполне разрешимая задача. Он вздохнул, не хуже Ани зная, что чуда не случится.

Анне захотелось немедленно прекратить ненужный разговор, она открыла было рот, чтобы произнести слова дежурной благодарности, да так и замерла, уставившись расширенными от удивления глазами на крахмальный ситец врачебного халата: по стерильно белому рукаву стремительно начало расплываться алое пятно. Оно быстро увеличивалось. Волокна ткани, впитывая влагу, набухли, на одном из сгибов материи уже повисла густая красная капля.

Доктор без удивления проследил за ее взглядом, пожал плечами и неторопливо убрал руку за спину. Он выглядел так, словно ничего необычного не случилось, и, очевидно, не собирался объяснять столь странное явление. От резкого движения красная капля отделилась от пропитанного кровью материала и со стуком упала на мраморный пол, взорвавшись сотнями крошечных брызг. Аня отшатнулась и с ужасом взглянула на доктора. Спазм сжал ей горло, мешая заорать что есть мочи. Ее поразило выражение лица светила науки, дипломированного специалиста, знаменитого хирурга с мировой славой. Он – улыбался!

Мерзко хихикнув, он поинтересовался:

– Еще вопросы, дорогая? Я могу быть вам полезным?

Аня не ответила. Ее ноги словно приклеились к полу, вмерзли в белый холодный мрамор, она не могла пошевелиться, скованная этим холодом. Говорить она тоже не могла, голос куда-то пропал. Тяжело дыша, она беззвучно открывала и закрывала рот, как выброшенный на берег карась.

Доктор даром времени не терял. Будто забавляясь ее беспомощным положением, он шагнул к ней, нарочито медленно вытягивая из-за спины руку в окровавленном рукаве. В его движении таилась угроза. Аня кожей чувствовала опасность, но точно загипнотизированная следила за его движением, ничего не предпринимая для собственного спасения. Она прекрасно понимала, что если немедленно не убежит, то случится что-то страшное, но только беспомощно оглядывалась по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь, кто придет ей на помощь. Но просторный вестибюль, вопреки обыкновению, был пуст. Она была одна.

Продолжая улыбаться, доктор вытащил свою проклятую руку из-за спины, и в Аниных расширенных от ужаса зрачках отразилось сверкающее лезвие острого, как бритва, скальпеля. Красная от крови рука, крепко сжимающая рукоятку, медленно поднялась над головой девушки.

– Мне очень жаль, дорогая моя, но я должен провести операцию. Для вашего же блага, – все так же безупречно вежливо произнес доктор. В его голосе звучало искреннее сожаление, которое подействовало на Анну сильнее, чем самая грубая издевка.

Она не успела бы ничего возразить, если бы даже смогла, так как буквально в следующую секунду стальное лезвие рассекло воздух. Девушка зажмурилась, ощутив острую боль, пронзающую сердце, а когда снова открыла глаза, ее ослепил яркий солнечный свет. Вместо холодных больничных стен вокруг нее шумели сосны, она сидела на прогретой солнцем полянке, неловко привалившись к сучковатому стволу поваленного дерева. Ее сердце все так же болело и бешено колотилось, как в страшном, нелепом сне, но никакого доктора с ножом рядом не было.

Она услышала звонкий голосок Ника, зовущий ее, и, жмурясь от солнца, посмотрела на бегущего к ней со всех ног малыша. Остановившись рядом с ней, он протянул к ее лицу сложенные ковшиком ладошки и осторожно разжал пальцы. Ане показалось, что она снова видит набухшую кровяную каплю из своего сна, но это был всего лишь маленький жучок, который, резво перебирая черными лапками, вскарабкался на палец мальчика и замер на самом кончике, слегка покачиваясь, чтобы сохранить равновесие.

– Who is it? – спросил Ники, упрямо мотнул головой, выражая досаду, и тут же поправился: – Кто это?

Ники уже бегло болтал по-русски, но, когда волновался, чужие пока еще слова вылетали у него из головы. Когда такое случалось, он очень переживал, не желая огорчать Аню, хотя она никогда не ругала его за такие ошибки, ведь английский был родным языком малыша.

– Кто это, Аня? – Ники повторил вопрос, подпрыгивая на месте от нетерпения.

– Ladybird. Божья коровка, – улынулась она, подставляя жучку свой палец, на который он перебрался, не раздумывая, и даже попытался расправить крылышки.

– Коровка? – озадаченно переспросил Ники.

Очевидно, его здорово смущало, что у «коровки» отсутствовали рожки, копытца и все прочее. Короче говоря, жучок решительно не походил на дающую молоко животину. Аня приготовилась к тому, что на нее сей же час обрушится лавина вопросов юного натуралиста, на которые она не сможет ответить. Однако Ники был слишком очарован бойким насекомым, которое уже успело вернуться на исходные позиции и теперь деловито исследовало ладошку мальчика.

Позволив Ане еще немного полюбоваться на свой трофей, Ники снова вскочил на ноги, зажал букашку в кулачок и побежал к стоящему невдалеке мужчине. Аня посмотрела ему

вслед, потом тоже поднялась, отряхнула с брюк приставшие сухие травинки и неторопливо направилась к сумке, чтобы достать приготовленные заранее припасы для пикника.

Она закончила раскладывать на полотенце бутерброды с индейкой и сыром, нарезала дольками помидоры, огурцы, посыпала их крупной солью. На влажных срезах свежих овощей тут же выступили прозрачные соленые «слезки», над поляной поплыл дразнящий вкусный запах. Аня почувствовала, что проголодалась, и, держа в руках термос с горячим чаем, снова посмотрела на мужчину и мальчика, собираясь позвать их к импровизированному столу. Ники уже позабыл про божью коровку и нашел себе новое развлечение – кидал снежки в мужчину, который едва успевал уворачиваться от «артобстрела». Аня улыбнулась, глядя на них. Весна в этом году пришла поздно, но как-то сразу. Весь март и половину апреля стояли морозы, а потом вдруг, почти в один день, температура подскочила чуть ли не на двадцать градусов. За неделю весь снег в городе растаял подчистую, а здесь, в лесу, последние сугробы мирно соседствовали с абсолютно сухими проталинами, покрытыми желтой прошлогодней травой. Вокруг одного из таких сугробов-ветеранов сейчас самозабвенно носились ее спутники. Она так и не поняла, кому из них эта беготня доставляет большее удовольствие – большому или маленькому?

Со стороны их можно было принять за дружную семью. Высокий широкоплечий мужчина со слишком загорелой для наших мест кожей и ярко-синими, такими же как у Анны, глазами, вел себя по отношению к малышу так, как если бы тот был его сыном. Они даже были похожи – оба светловолосые, с упрямыми взглядами и смуглой кожей. Но Ники не был сыном Макса. Так же как не был и Аниным сыном. Макса и Анну, в свою очередь, связывали еще более сложные взаимоотношения, и уж тем более они не были мужем и женой. Впрочем, любовниками они тоже не были. Судьба заставила их пережить вместе нечто столь же страшное, сколь и невероятное. Это сблизило их, тем более что обоим был дорог мальчик – невольный участник тех самых событий, во время которых он лишился настоящих родителей. Но было еще много самых разнообразных «но» в жизни каждого, которые мешали двум взрослым людям разобраться в своих отношениях. «На то они и взрослые, чтобы создавать самим себе сложности», – невесело подумала Анна. Она позабыла о своем намерении позвать друзей к столу, следя за их возней с нежной, немного грустной улыбкой.

Мало кто мог бы похвастать тем, что видел Анну такой искренней и незащищенной, как в эти короткие минуты. Хотя поначалу ее лицо обманывало юной доверчивостью, на самом деле она была скрытной, рано научилась притворяться. С самого детства все вокруг, каждый на свой лад желавшие ей добра, требовали одного: она должна чувствовать себя счастливой. И тогда же, в раннем детстве, Анечка поняла, что лучше не горевать при людях – разлюбят. И так себя выдрессировала, что научилась с легкостью надевать любую маску. Дальнейшая жизнь показала, что это ее умение – одно из лучших средств защиты. Ее детские выводы оказались не по-детски мудрыми.

Веселье возле сугроба нарастало. На первый взгляд Ники ничем не отличался от своих сверстников – такой же любознательный, шепотливый мальчишка, как и миллионы его ровесников. Только самый внимательный взгляд мог заметить, что спинка ребенка под верхней одеждой чуть более выпуклая, совсем чуть-чуть. Но это была не обычная сутулость ребенка. Спина малыша, от шеи до самых лопаток, была покрыта густой шерстью – волчьей шерстью. Этот ужас постиг мальчика по вине доктора-садиста за тысячи километров отсюда. Малыш стал жертвой жестокого эксперимента чертова придурка, возжелавшего восстановить древний метод балаганных актеров по превращению людей в животных. Слава богу, закончить свой эксперимент с мальчиком он не успел, хотя и сильно изуродовал ребенка. Сейчас Анна больше всего на свете хотела избавить дорогого ей человечка от этого ужаса. Почему-то она чувствовала себя виновной в том, что мальчик до сих пор оставался таким, как сейчас. Она обошла множество клиник, прочла гору литературы на эту тему, но ничего не могла приду-

мать для его освобождения. Необходима была обширная пересадка кожи. Анализы показали, что возможно использовать только кожу родственников, другая будет отторгнута детским организмом. При этом площадь пересадки была настолько велика, что не могло и идти речи о том, чтобы использовать кожу самого мальчика. А родственников у него не осталось, они погибли там же, в лаборатории сумасшедшего экспериментатора. Аня, думая о Ники, чувствовала собственное бессилие, потому что хотела и могла дать ему любовь, заботу, дом и тепло, но не в состоянии была вернуть ему здоровье.

И чем сильнее она мучилась, тем больше восхищало ее мужество маленького человечка. Вопреки своему уродству, отстранившись от той ужасной боли, которую он испытывал за свою коротенькую жизнь, Ники продолжал оставаться добрым и ласковым ребенком. Анна была до глубины души растрогана поразительным мужеством, с которым Ники встречал выпавшие на его долю страдания.

«Я обязательно найду способ! – прошептала она про себя, упрямо сжав губы. – Я сделаю все, что потребуется, но малыш будет здоров!»

Собственные переживания, раньше казавшиеся Ане весьма достойными внимания, а, надо сказать, ее жизнь особо не баловала, теперь выглядели мелкими, и сама она казалась себе просто капризной девицей, не более. В самом деле, когда она в последний раз визжала от восторга? Просто смеялась от души? Почему ей больше не доставляет удовольствия прыгать на панцирной кровати с ногами – ведь двадцать лет назад она была уверена, что, когда вырастет, будет посвящать этому занятию все время. Или рисованию фломастерами на обоях. А теперь? Даже в снежки поиграть ей слабо! Ну уж нет, пора меняться. Прямо сейчас!

Исполненная решимости, она вскочила на ноги и бодро направилась в сторону резвящихся возле сугроба товарищей с твердым намерением присоединиться к их веселой возне. Она уже улыбалась, предвкушая удовольствие, как вдруг... получила снежком прямо в глаз, от неожиданности слабо пискнула и шлепнулась на землю. Крепко зажмуренный глаз отчаянно болел, стремительно тающие снежинки стекали по щеке, в точности как горькие слезы. Только сейчас Аня плакала одним глазом. Второй с изумлением взирал на бегущих к ней Макса и Ники. Лица обоих были такими растерянными и испуганными, что Аня невольно улыбнулась.

Ники добежал до нее первым, вцепился в рукав куртки и попытался поднять ее на ноги.

– Аня, тебе очень больно? Бедненькая! Не плачь, пожалуйста! – пытался он утешить ее дрожащим от слез голосом.

– Да все в порядке, – отбивалась Аня, смущенная собственной неловкостью, – совсем не больно, просто ни капельки.

– Ну ты, мать, даешь! – проворчал Макс, пытаясь скрыть за суровостью обращения свое беспокойство. Он взял ее лицо в свои ладони и повернул к свету, чтобы получше разглядеть возможные повреждения.

– Открой-ка глаз! – скомандовал он.

– Не могу! – помотала головой Анна. – Он не открывается.

– Макс, ей же больно! Помоги! Сделай что-нибудь! – взмолился Ники и приготовился зареветь.

– Да ничего страшного, мне кажется. Если ее высочество перестанет капризничать и позволит мне взглянуть на ее драгоценный глаз, то все будет в порядке. Ну, давай, дорогая, открывай его.

– Не могу! – продолжала упрямиться девушка. – Больно. Наверное, он уже весь вытек.

– Не болтай глупости, – рассердился Макс. – Ну-ка быстро показывай, что там у тебя. Промыть надо, и все будет в порядке.

Ники, не дожидаясь специальных указаний, бросился к сумке и приволок бутылку минеральной воды без газа. Аня тем временем попыталась выполнить просьбу Макса и осто-

рожно приоткрыла поврежденный глаз. Он отчаянно саднил, но она обнаружила, что орган зрения все еще действует, хотя и с перебоями. Значит, обошлось, ничего у нее не вытекло. Она почувствовала облегчение и попыталась улыбнуться.

Макс намочил чистый носовой платок и бережно обтер ей лицо. Ники ревниво следил за его действиями, обхватив Аню руками.

– Нормально все, до свадьбы заживет, – проворчал Макс, закончив промывать глаз. – И чего ты так мчалась, интересно знать? Случилось что?

– Ничего не случилось. Хотела поиграть с вами в снежки, – обиженно пробормотала Аня, моргая мокрыми ресницами.

– Ну, вот и поиграла, – покачал головой Макс и усмехнулся.

– Аня, не слушай его! Он специально вредничает! – воскликнул Ники, бросив сердитый взгляд на Макса из-под длинной челки. – Ты не будешь больше плакать?

– Не буду, – пообещала Аня, ласково взъерошив ему волосы на затылке. – Пойдемте-ка лучше пировать, а то наши царские бутерброды засохнут.

Глава 2

Ники не отходил от Ани ни на шаг до самого возвращения домой. Вечером он пробрался к ней в постель, ввинтился под одеяло и прижался покрепче, обняв за шею. Аня отложила книгу, погладила вихрастую макушку, легко коснувшись ее губами.

– Тебе все еще больно? – шепотом спросил Ники.

– Уже нет.

– Но у тебя же синяк!

– Ну и что? Это не смертельно, правда?

Ники задумался:

– Не смертельно, но больно. Я знаю. Мне однажды Джим стукнул в глаз, тоже синяк получился.

Пальцы Ани, гладящие мальчика, случайно коснулись густой шерсти, и она невольно вздрогнула. Ники заметил, сел на постели и сосредоточенно нахмурился.

– Аня, а я теперь всегда буду такой? – спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно более небрежно, но голос предательски дрогнул.

Аня вздохнула и отвела глаза, мучительно подыскивая слова, чтобы утешить ребенка. В конце концов она решила, что лучше сказать ему все, как есть. Это ведь не означает, что они не будут искать выход. Рано или поздно он обязательно отыщется!

– Понимаешь, – осторожно начала она, – операция по пересадке кожи на самом деле не такая уж сложная. По крайней мере, она широко применяется, например, для тех, кто пострадал от ожогов. Если есть что пересаживать, то никаких проблем. Но тебе нужна кожа не от простого донора, а от родного...

– То есть, если бы были живы мои мама и папа, то меня смогли бы вылечить? – перебил Ники.

– Да, – выдавила из себя Анна.

– А бабушка и дедушка?

– Не знаю, но они, наверное, тоже могли бы помочь. Но что толку, Ники, ведь их же тоже...

– Да, они умерли, давно, – нетерпеливо мотнул головой мальчик. Он, казалось, преследовал какую-то цель, но Аня не понимала – какую, и ей очень хотелось прекратить этот болезненный для малыша разговор как можно скорее. Однако он думал иначе.

– Ты ведь сказала, что нужны доноры-родственники, правильно?

– Правильно, Ники, но, мне кажется, нам нужно перестать пока говорить об этом. Обещаю, что обязательно придумаю, как тебе помочь. А сейчас давай попробуем заснуть. Как говорила моя бабушка: «Будет день, будет и пища».

– А тетя и дядя – это близкие родственники? – Ники будто пропустил ее слова мимо ушей, продолжая думать о своем.

Аня покачала головой и мягко проговорила:

– Не понимаю, куда ты клонишь, солнышко мое. Да, тетя и дядя – это близкие родственники, но, к сожалению, я знаю из документов, которые пришлось оформлять при усыновлении, что у тебя нет ни тети ни дяди.

Ники хитро взглянул на нее и выпалил:

– А вот и есть! Дяди нет, а тетя очень даже есть!

Анна опешила, не сразу сообразив, что ответить на это заявление. Похоже, малыш просто начал фантазировать: своего рода защитная реакция в безвыходном положении. Хотя раньше она за ним ничего подобного не замечала...

– Ники, – осторожно начала она, – о какой тете ты говоришь?

– О миссис Клэрксон, конечно, – пожал худенькими плечиками Ники.

Имя было Ане незнакомо, в документах оно не встречалось.

– Ты ничего не путаешь? Кто такая миссис Клэрксон?

Ники посмотрел на нее удивленно, огорченный ее непонятливостью, и проговорил, отчетливо выговаривая слова:

– Миссис Клэрксон – это моя тетя. Сестра моей мамы.

– Но я про нее никогда не слышала! Этого не может быть! Мы специально искали твоих родственников! Если бы нашелся хоть один, мне потребовалось бы получить его письменное согласие на твоё усыновление. Но я его получила, а о тете Клэрксон слышу в первый раз. Это невероятно!

Анна, поджав колени, уселась напротив мальчика, обхватила его за плечи, легонько встряхнула и спросила, требовательно глядя в глаза:

– Ники, посмотри на меня! То, что ты говоришь, очень важно. Скажи, ты ничего не выдумываешь?

Ники посмотрел на нее полными слез глазами, его нижняя губа обиженно дрогнула.

– Аня, миссис Клэрксон существует на самом деле! – отчаянно выкрикнул он. – Я не маленький, чтобы выдумывать всякие глупости! Почему ты мне не веришь?!

Опомнившись, Анна обняла малыша, прижала к себе, приговаривая:

– Ну что ты, милый, конечно, я тебе верю. Я хочу тебе помочь и совсем отчаялась. Мы отыщем твою тетю, уговорим ее стать донором, и ты снова будешь здоровым! Только бы она существовала на самом деле!

– Говорю же, она существует!

– Но почему о ней нигде не говорится?

– Потому, что мама не хотела, чтобы о ней знали. Она ее ненавидела. Сначала говорила, что миссис Клэрксон умерла, а потом вообще перестала упоминать, что у нее есть старшая сестра, даже из документов ее вычеркнула.

– Как же так? Почему? Может, она и в самом деле скончалась?

– Нет, – замотал головой Ники. – Она живет в Дэнверсе. Я слышал, как мама и папа говорили об этом незадолго до того, как мы уехали... ну... в джунгли...

Дэнверс. Ане показалось, что она уже слышала название этого города, но сейчас не могла вспомнить от волнения, где именно. В ее душе затеплилась надежда, она боялась даже дышать, чтобы не спугнуть неожиданную удачу.

– А почему твоя мама не хотела вспоминать о своей сестре? – спросила она, понимая, что маленький мальчик, скорее всего, не знает ответа на этот вопрос.

От него, судя по всему, вообще скрывали тот факт, что у него есть родная тетка. Ах, взрослые, до чего же мы бываем наивны, когда дело касается детей! Нам кажется, что они ничего не понимают, не слышат и не видят того, что, по нашему мнению, не касается их ушей, глаз и сердца. Но это всего лишь заблуждение. Дети знают и понимают намного больше, чем нам хотелось бы.

Но в данном конкретном случае Аня оказалась права. Ники не знал, чем вызвана неприязнь к сестре его собственной матери. Причин могло существовать множество, но для Анны и Ники не имело значения, какая из них истинная, поэтому Аня почти не колебалась, принимая решение.

Они немедленно едут в Дэнверс и попробуют отыскать эту тетку, неожиданно свалившуюся им на голову. А уж уговорить ее стать донором Аня сумеет, в этом она не сомневалась ни секунды. Ради Ники она была готова на все.

* * *

Дэнверс! Ну конечно же! Как она могла забыть? Об этом городке писала любимая Анина подруга, Нурия. Кажется, в последнем или предпоследнем письме. Анна, подгоняемая этой мыслью, вскочила с постели. В окно светило солнце, круглый маленький зайчик крался по белой наволочке, подбираясь к сладко посапывающему Ники. Накануне они так и уснули в одной постели, и Анна, вообще-то не любившая делить с кем бы то ни было свое спальное место, чувствовала себя рядом с малышом необыкновенно уютно. К утру похолодало, и Ники, сбросивший с себя одеяло, свернулся калачиком. Аня укутала его потеплее и осторожно перелезла через спящего мальчика. Прихватив халат и тапочки, она босиком на цыпочках прокралась в другую комнату и, только притворив за собой дверь спальни, сунула успевшие замерзнуть на холодном полу ноги в уютные тапки.

Письма Нурии лежали в секретере в большой металлической коробке из-под печенья с пасхальным зайцем на голубой крышке. Обычно Аня не хранила писем, да и получала их не так уж много. Кто сейчас кому пишет? Не те времена. Даже открытка к Новому году – и то редкость. Но Нурия была слишком важной частью ее жизни. Аня чувствовала пустоту с того момента, когда подруга уехала так далеко от нее. Письма давали хотя бы какую-то иллюзию близости, и Аня перечитывала их, когда ей становилось совсем одиноко.

В последнем своем письме Нурия действительно писала о Дэнверсе. Как поняла Анна, он находился в пригороде Бостона, и Нурия снимала там дом. Поездка подруги в далекую Америку была чистой авантюрой, особенно если учесть, что Нурия за всю свою жизнь не то что за границей, а и в соседней области не удосужилась побывать, вся ее жизнь прошла в одном городе. И вдруг решила на такое! А все дети. Точнее, единственная дочка. Лелька, которую Аня помнила еще трехлетним карапузом, выросла в умненькую, хорошенькую девушку. Такую умненькую, что смогла самостоятельно пройти заочный отборочный тур в американский колледж. Кстати, тайком от родителей. Просто прочла в какой-то газете объявление и послала заявку.

Когда неожиданно, в первую очередь для самой Лельки, пришло извещение о том, что она зачислена на стипендию, девчонка прилетела к Анне за подмогой. На самом деле полученное приглашение было не концом, а началом пути: нужны были деньги на дорогу, и не только на дорогу, куча документов, да и вообще Лелька понятия не имела, как отреагируют родители на ее самостоятельность.

Опасения девчонки подтвердились, реакция последовала бурная. Даже Ане, близкой подруге, с трудом удалось уговорить Лелькиных отца и мать хотя бы попытаться обсудить возможность учебы девочки в заокеанском колледже. С одной стороны, они гордились тем, что дочь оказалась такой способной, что ее заметили и сочли возможным дать шанс учиться, да еще со стипендией. Но с другой – стипендия была слишком мала – они навели справки – для того, чтобы снимать жилье и не умереть при этом с голоду. Кроме того, вопрос с билетами по-прежнему оставался открытым. Было и еще одно «но». Нурия обожала свою дочь и даже думать не желала о том, чтобы отправить ее одну за тридевять земель, в чужую страну, где рядом не будет ни единого близкого человека. Нурия считала Лельку еще маленькой. Да она и была-то, в сущности, ребенком. Что такое неполных семнадцать лет?

Споры были долгими и жаркими, но в конце концов родители пошли на компромисс: Анна одолжила денег на билеты – одному богу известно, чего ей стоило уговорить подругу принять помощь, – но о том, чтобы добавить матери и дочери на жилье и все прочее, не могло и речи идти, поэтому Анна понимала, что уговаривать бесполезно. Подруга была слишком гордой, чтобы принять помощь, не имея возможности вернуть долг. Даже то, что необходимая сумма была вполне по силам Ане, не изменило решения Нурии. Анна так и не узнала,

как они там «схимичили», но только в назначенное время самолет унес ее лучшую подругу вместе с дочерью в далекую Америку.

Аня улыбнулась, вспомнив эпопею с переездом. С тех пор прошел почти год, и у нее появилась возможность увидеться с человеком, который по сию пору оставался для нее самым близким и родным.

Еще раз перечитав строки письма, написанные не слишком разборчивым, но таким знакомым почерком на непривычно широком и коротком листочке в тонкую голубую линейку, Аня выяснила, что в Дэнверсе мать и дочь сняли дом. Странно, но, читая письмо в прошлый раз, она совершенно не обратила внимания на этот факт. Впрочем, ничего удивительного. Отсюда что Бостон, что Дэнверс – одна малина, далеко. Почему выбрали это место, тоже ясно: в пригороде жилье гораздо дешевле, а ее подруге наверняка приходилось экономить на каждой мелочи.

Решено, они с Ником едут в этот Дэнверс. У них мало времени, осенью Ники должен отправиться в первый класс, и Анне очень хотелось, чтобы малыш чувствовал себя уверенно, не опасаясь жестоких насмешек одноклассников из-за своего уродства. Они найдут эту... как ее там... миссис Клэрксон и добьются ее согласия, будь она хоть чертом в юбке.

Нурия так обрадовалась звонку, что даже расплакалась. Кажется, Америка сделала подругу сентиментальной, раньше ей удавалось сохранять невозмутимость практически в любой ситуации. Впрочем, Анна тоже не раз во время разговора сглатывала подкатывающий к горлу комок, ей так не хватало Нурии, милой, все понимающей подруги!

Сборы были стремительными. Деньги и виза у них были, вещей Анна решила взять самый минимум, зная, что все необходимое можно будет купить на месте. Тем не менее сумок набралось целых две. Вокруг одной из них упорно крутился Каспер, черный персидский кот Анны. Всеми доступными способами Каспер выражал свое недовольство, почувствовав, что ему вновь предстоит куковать в пустой квартире, довольствуясь короткими визитами соседки, которая приносила ему еду. Изучив сумку со всех сторон, Каспер запрыгнул на нее и громко мяукнул, давая понять, что не сойдет с этого места.

– Ну, Каспер, миленький, не обижайся, – попросила Анна, присаживаясь перед разобиженным котом на корточки. – Мы никак не можем взять тебя с собой. Тебя же на таможне остановят и посадят в карантин, а то и вовсе отправят домой в багажном отделении.

Каспер отвернулся и потряс круглой башкой, словно не желал слушать никаких объяснений хозяйки. Он понятия не имел, что такое карантин, но уж, наверное, это лучше, чем одиночество и отсутствие любимой хозяйки.

– Может, мы его спрячем? – робко предложил Ники, который сочувствовал Касперу.

С самой первой встречи мальчик и кот стали друзьями не разлей вода. Они даже проказничали на пару и наказание делили пополам.

– Не говори глупостей, дорогой, – вздохнула Аня, поднимаясь. – Его обязательно обнаружат и отправят обратно. Ты же не хочешь, чтобы Каспер потерялся в дороге? Я слышала, что иногда конфискованные животные теряются. Кроме того, неизвестно, как он перенесет самолет. И вообще, Каспер останется здесь, это однозначно.

Ники грустно кивнул головой и почесал кота за ушами. В ответ на ласку Каспер выгнул спину и потерялся о руку мальчика.

Ане предстояло переделать еще кучу дел, и она оставила кота и мальчика утешать друг друга самостоятельно.

Каспер проявил характер до конца и не вышел их провожать, забившись куда-то в знак протеста. Времени на поиски уже не оставалось, но Аня, испытывая чувство вины и отдавая ключи от квартиры соседке, попросила ее быть с Каспером поласковее. За короткий период она уже второй раз оставляла его одного. Того и гляди, животное совсем одичает.

К радости Анны, Ники перестал дуться на нее из-за брошенного в одиночестве кота, он даже вызвался дотащить до такси одну из сумок. Предложение оказалось весьма кстати, так как вторая сумка, та, которую Аня оставила себе, оказалась настолько тяжелой, что ее приходилось то и дело перекладывать из одной руки в другую. Кое-как они добрались до машины, благополучно загрузились и отправились в путь.

Глава 3

Нурия совсем не изменилась. Аня сразу узнала ее в толпе встречающих, и подружки бросились обниматься и целоваться.

– Господи, совсем как дома, – вздохнула Нурия.

– В каком смысле? – улыбнулась Аня.

– Ну как же, обнимаемся, целуемся...

– Не поняла.

– Здесь так не принято. Максимум, что позволительно, – это клонуть друг друга в щечку при встрече. Больше – ни-ни! Мороженые они какие-то, прямо как ихние окорочка. Снаружи нарядные и улыбающиеся, а внутри – лед один. Ладно, сама увидишь. Не представляешь, как я рада вас видеть! Привет, Ники, – ласково обратилась Нурия к малышу. – Давай знакомиться. Меня зовут Нурия. Как долетел? Устал, наверное?

– Спасибо, я в порядке, – немного скованно ответил мальчик.

Он выглядел напряженным и по-прежнему не выпускал из рук сумку. Когда Нурия предложила забрать ее у него, чтобы помочь, он замотал головой и еще крепче вцепился в матерчатые ручки:

– Я сам.

– Ну, как знаешь, – удивилась Нурия, но настаивать не стала. Они с Анной ухватили вдвоем большую сумку и пошли к выходу из аэропорта.

На стоянке Нурия подвела их к машине, чем немало удивила Анну.

– Ты что, водишь машину?! – не удержалась она, разглядывая старенький «Фордик» светло-зеленого цвета.

– А куда деваться? – усмехнулась Нурия. – Тут без машины никак. Пришлось на старости лет осваивать. И, знаешь, мне понравилось. Не понимаю, как я раньше не научилась, ведь у нас с мужем была машина.

– Да, кстати, – спохватилась Аня, – твой благоверный прислал огромное письмо и кучу инструкций в устной форме. Мне сейчас доложить или потерпеть до дома?

– Инструкции подождут. Загружайтесь. Поедем осматривать мои хоромы, – скомандовала Нурия, уселась на водительское место, с грохотом захлопнула слегка перекошенную дверцу, завела мотор и довольно лихо вырулила со стоянки.

Перехватив задорный взгляд посмелевшей и помолодевшей подружки, Аня от души расхохоталась. Да, *такая* Нурия будет большим сюрпризом для своего муженька, привыкшего к тихой и уступчивой жене. Вообще-то подруга со своим мужем жили неплохо, но Аня считала, что во многом это заслуга Нурии, которая, как никто другой, умела сглаживать любые острые углы в совместной жизни. Частенько такие маневры требовали от нее огромной выдержки, но Нурия привыкла к компромиссам и не жаловалась, когда ради спокойствия в семье приходилось наступать на свое самолюбие кирзовыми сапогами. Ох, много чего пришлось ей вытерпеть за долгие годы «семейного счастья»!..

Нурия, как многие восточные женщины, с рождения привыкла считать себя существом второго сорта. Мужчина – царь и бог, а она – так, бесплатное приложение. На самом деле она была удивительно тонким, умным, интеллигентным человеком и просто красивой женщиной. Правда, когда Анна пыталась напоминать ей об этом, Нурия только нетерпеливо отмахивалась и презрительно фыркала. Однажды Анна увидела школьный снимок подружки и не поверила своим глазам: со снимка на нее смотрела самая настоящая персидская княжна: темно-карие миндалевидные глаза под красиво изогнутыми бровями, прямой носик, сочные, немного капризные губы и вьющиеся волосы цвета драгоценного красного дерева, небрежно сколотые на затылке. Тогда, глядя на эту фотографию юной выпускницы школы, Анна впер-

вые поняла, в чем заключается непередаваемая прелесть восточных женщин. Сейчас подруга стала старше, давно махнула на себя рукой, но даже наплевательское отношение к собственной внешности не смогло уничтожить ее природной красоты и обаяния.

Нурия вела машину довольно уверенно, да и дорога была не чета нашим, российским, – ровная, как стекло, но Анна решила не отвлекать ее понапрасну: все-таки стаж вождения у подруги пока небольшой. Ане очень хотелось спросить, удалось ли Нурии разузнать что-нибудь о миссис Клэрксон, но она справилась с любопытством, облокотилась на спинку сиденья и уставилась в окно. Ники, притихший на заднем сиденье в обнимку со своей сумкой, тоже глазел по сторонам с изрядной долей любопытства.

Они давно выехали за пределы Бостона, миновали заросшее сорняками поле, на краю которого притулились два заброшенных сарая. В открытое окно тянуло теплом и коровами, как в настоящей деревне. Анна знала, что Дэнверс расположен на берегу океана, но вокруг пока не наблюдалось ничего похожего. Только густые, мрачноватые леса, с обеих сторон обступившие дорогу. Наконец лес немного отступил, стал пореже и посветлее. Темно-зеленая хвоя щедро разбавилась молодыми беззащитно-изумрудными листочками орешника.

Затем вдоль дороги потянулись аккуратные домики за невысокими заборчиками, такие чистенькие и ухоженные, как будто нарисованные. Перед каждым крыльцом – непременно цветники и клумбы, похожие друг на друга, словно размноженные под копирку. Идиллическую картинку портили только маячившие впереди горы, поросшие густым темным лесом. Ане на минуту показалось, что в них таится угроза этому уютному маленькому миру, похожему на рекламную открытку для туристов, но она побыстрее отогнала от себя эту мысль. Не время сейчас хандрить, ей понадобится много сил, чтобы осуществить задуманное, а значит, прочь все эти предчувствия и прочую ерунду. В ближайшее время она не намерена даже вспоминать о тех силах, что порою владеют ее душой. Ни-ка-кой чер-тов-щи-ны! Она сознательно взяла на себя обязанности матери и отныне станет матерью – и никем больше. Когда она думала так, то искренне верила, что для этого одного ее желания достаточно. Но надо ли говорить, что человеческие желания по сравнению с Судьбой – пыль, сдуваемая ветром? Хотя Анне-то положено было знать такие вещи...

– Главная улица Дэнверса, – комментировала тем временем Нурия окрестное благолепие.

– Красиво, – кивнула Аня.

– Этот городок – великая американская помойка, – неожиданно усмехнулась подруга, ранее не склонная к таким резким суждениям. – Здесь наблюдается больше прилюдной стирки грязного белья на квадратный метр, чем в нашей родной политике. Как там она, кстати, поживает?

– Ты что, соскучилась по нашей политике? – подняла брови Анна. – Мне казалось, это находится вне сферы твоих интересов.

– Отсюда все, что связано с домом, становится интересным. Веришь, даже по нашей грязи и вечно пьяненьким согражданам скучаю. Никогда не думала, что я на такое способна! – Нурия покачала головой, притормаживая на красный свет и бросая виноватый взгляд на Анну.

– Ностальгия, значит... – хмыкнула та. – А мне со стороны кажется, что Дэнверс – очень приятное и милое место.

– Приятное? Не смей меня! – заявила Нурия без тени улыбки. – Он кишит гадами и полон всякой мерзости. Сама увидишь. А что не увидишь – я расскажу. Только попозже.

Анна кивнула, не переставая удивляться произошедшим в подруге переменам. Конечно, в чужой стране, при минимуме средств жизнь далеко не сахар, но Анна знала подругу много лет, и за все эти годы ей ни разу не изменила выдержка, что бы ни случи-

лось. Ладно, с этим она обязательно разберется. Если, конечно, Нурия захочет, чтобы она разобралась...

Словно в подтверждение слов Нурии, мимо окон автомобиля проплыло довольно мрачное старинное здание, полускрытое за высоким чугунным забором.

– Местная достопримечательность, – пояснила Нурия, успев заметить заинтересованный взгляд, брошенный Анной в окно.

– Что это?

– Это? Салемский музей ведьм!

– Что-о-о?

– Музей, говорю. Салемских ведьм. Ты что, не знаешь, куда приехала? – искренне удивилась Нурия.

– В Дэнверс, куда же еще?

– Эх ты, горе луковое. Дэнверс-то раньше, знаешь, как назывался? Салем! Слышала о нем? Это вроде по твоей части.

Анна поморщилась при упоминании о своих способностях, но спорить сейчас ей не хотелось. Она переваривала информацию и, разумеется, слышала о салемских ведьмах. Да и кто же о них не слышал? Кажется, это было в тысяча шестьсот каком-то году. Знаменитая «охота на ведьм»! Неужели перед ней тот самый городок? Невероятно! И почему она постоянно попадает в такие сомнительные места? Хотя сюда первой попала подружка, но ведь Аня могла так никогда и не собраться навестить ее, если бы не обнаружилось, что именно здесь живет единственная оставшаяся в живых родственница Ники. Совпадение? Будем надеяться, что так. Будем очень надеяться.

* * *

Дом, который вот уже месяц снимали Нурия и Лелька, располагался на самой окраине городка. Он оказался гораздо больше, чем представляла себе Анна. Впрочем, она была наслышана, что в Америке вообще все большое – машины, дома, бытовая техника. Ей довелось однажды наблюдать, как ее внезапно разбогатевшие друзья решили шикануть и приобрели американский холодильник. Наблюдать, как они пытаются втиснуть это чудовище в не маленькую, но все же нашу, отечественную квартиру, было сущей трагикомедией. Единственным местом, где поместился американский монстр, оказалась гостиная, да и там он мог расположиться только лежа – потолки-то у нас стандартные – два метра с кепкой. Чем там все закончилось, Аня так и не узнала, только заметила, что у счастливой обладательницы чуда техники при упоминании об Америке вообще и об американской технике в частности неумолимо кривится ухоженное лицо и портится настроение.

Так что внушительные габариты Нуриюшкиного жилища Анну не удивили. Тем более что при ближайшем рассмотрении оказалось, что дом находится в весьма запущенном состоянии. Ведущая в переулок калитка перекосилась, и пройти в нее теперь можно было только боком. Подруга, видимо, даже не пыталась усмирить буйство высоких, по пояс, трав и крапивы. Толстый ползучий куст неизвестной породы, весь в крохотных белых брызгах цветов, навалившись на стену кривыми колючими ветвями, полностью заслонял от света окна на первом этаже. Вообще-то, сооружение было двухэтажным, на высоком фундаменте из замшелых камней, насколько позволяли разглядеть буйные заросли. Доски, которыми оно было обшито снаружи, выглядели так, словно все последние сто лет их непрерывно грызли древоеды. Кроме того, все это время их, то есть доски, похоже, ни разу не красили. Зато окна второго этажа были застеклены цветными витражами, хотя размеры их показались Ане слишком маленькими для такого огромного фасада. Что поделаешь, чужая архитектура. В целом же дом Анне даже нравился, он выглядел удивительно романтично. Ники, так тот и вовсе

пришел от него в восторг, его быстрые ножки уже топотали по широким ступеням деревянного крыльца. Мальчишке не терпелось изучить причудливое строение изнутри. Когда Аня и Нурия дотащили сумку до дома, Ники уже нетерпеливо переминался перед высокой, наполовину стеклянной входной дверью. Сумка, с которой он не расставался всю дорогу, стояла у его ног.

Левой рукой Нурия продолжала держать ручку дорожного баула, а правой попыталась выудить ключи из маленькой сумочки, болтавшейся у нее на правом плече. Наконец это удалось, и они ввалились в дом. После уличной жары воздух тут показался Анне прохладным, но каким-то несвежим, будто с запахом гнили. Из коридора вели три двери. Нурия быстро объяснила, что к чему.

– Значит, так. Вот эта дверь, напротив входа, ведет в подвал. Я держу ее запертой. Там ничего интересного, пришлось свалить туда старый хлам, оставшийся от прежних жильцов.

Анна успела заметить, как в глазах Ники зажглись искорки любопытства – верный признак, что малыш постарается проскользнуть на запретную территорию при первой возможности. Ничего, она тоже будет начеку.

– За этой дверью – лестница на второй этаж, – продолжала ознакомительную экскурсию подруга. – Туда мы потом отнесем ваши вещи. Я приготовила для тебя и Ники вторую спальню. Ну а сейчас добро пожаловать на кухню. – Она плюхнула баул на пол, и они все троим вошли в правую дверь.

Кухня была таких размеров, что вполне сгодилась бы для небольшого футбольного поля, очевидно, совмещая функции кухни и гостиной. Посредине стоял огромный старый стол с растрескавшейся от частого мытья столешницей и три стула. Была еще табуретка – ровесница стола. Анна прикинула, что обоим не меньше полувека. Нурия попыталась придать убогому убранству хоть какое-то изящество – посреди стола стояла ребристая белая кружка с букетиком сирени. Неподвижный воздух пронзали спицы солнечного света, в них кружились мириады пылинок.

Всю правую стену занимал камин, старомодный, железный, словно позаимствованный из сказки про Золушку. Каминном активно пользовались – рядом, у стены, лежали аккуратные полешки и горка тонких щепочек. Вместо кресел, как это принято у англичан, у камина стояли два обыкновенных стула. Один – низкий и рассохшийся, должно быть, дедушка стола и табуретки, с подушкой в ситцевом чехле в мелкий голубой цветочек, второй – прямая его противоположность – очень изысканный, с изящной круглой спинкой.

– Знаю, меблировка в этом «дворце» навела тебя на мысль, что я собирала ее на ближайшей помойке, – усмехнулась Нурия, заметив тщательно скрываемое удивление подруги. – Но, хотя это и похоже на правду, притащила эти вещи сюда не я, а бывшие хозяева. У меня, как ты понимаешь, денег не было даже на такое старье.

– Что ты оправдываешься? – упрекнула ее Анна. – Мне здесь даже нравится. Так все необычно. Особенно эти штуки. – Она задрала голову и ткнула пальцем в огромные, почерневшие от времени балки, тянувшиеся под потолком.

Нурия ответила ей благодарным взглядом и сразу же бросилась к плите, приговаривая, что заболталась и совсем забыла про обед.

– Как ты справляешься с таким огромным домом? – спросила Анна. – Тут только на мытье полов, наверное, сутки нужны.

– Ты права, приходится раз в неделю приглашать женщину, иначе или грязью зарастешь, или будешь заниматься уборкой круглосуточно.

– Ого! Приходящая прислуга? – улыбнулась Анна.

Нурия покосилась на нее и вздохнула:

– Это она называет себя приходящей. А я никогда не знаю, придет она в следующий раз или нет.

Они переглянулись и рассмеялись, и не столько над нерадивой помощницей, сколько от радости, что снова вместе, что по-прежнему понимают друг друга с полуслова.

Краем глаза Анна успела заметить, что Ники ведет себя как-то странно. Оседлав высокий табурет, он старательно делал вид, что изучает камин, а сам время от времени легонько пинал свою сумку, которую зачем-то притащил на кухню и запихнул под стол.

– Ники, что это ты дела... – начала было Анна, как вдруг ей показалось, что сумка после очередного пинка пошевелилась сама по себе. Не успела Анна опомниться, как на ее глазах замок на сумке стал открываться, в отверстии показались острые треугольные уши, а за ними – голова с торчащими во все стороны усами. Желтые глаза недовольно щурились на яркий свет.

– Та-ак. И что все это значит? – протянула Анна, уперев руки в бока.

– Ой, какой красивый котик! – всплеснула руками Нурия, разглядывая вывалившегося из сумки взъерошенного перса. – Откуда он взялся?

– Из дома, – буркнул Ник, понутив голову.

– Ты хочешь сказать, что протащил этого зверя через таможню?! – не поверила Нурия, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– А что такого? Каспер умный, сидел тише мыши, когда мы таможню проходили, вот его и не заметили.

– А если бы нас попросили открыть сумку? – ужаснулась Анна, представив возможные последствия. Штраф был бы самым легким наказанием.

– Но ведь не попросили же!

– Логично, – прыснула Нурия. – Анна, у тебя гениальный ребенок.

– Вижу, – мрачно откликнулась Анна, взирая на кота, который, как ни в чем не бывало, подошел к ней и потерся спиной о ее ногу, примирительно мурлыча. Девушка легонько оттолкнула его, показывая, что все еще сердита, но на самом деле ее гнев уже прошел. Она даже немного гордилась находчивостью Ники, который ради друга провернул всю эту авантюру.

– Ну что, подруга, примешь на постой безбилетника? – спросила она у Нурии.

– С удовольствием. И даже накормлю обедом вместе со всеми. К тому же в этом доме, в подвале, полно мышей. Может быть, ваш Каспер с ними разберется?

– И не надейся. Этот лентяй видел мышь только по телевизору, – с сомнением покачала головой Анна. Каспер посмотрел на хозяйку и фыркнул, будто не одобрял возводимой на него напраслины.

– Он считает, что ты не права, – хмыкнула Нурия. – Я уверена, он будет хорошо себя вести. Верно, Каспер?

Каспер одобритительно глянул в ее сторону. Жмуря янтарные глаза, кот сидел посреди кухни так, что сразу становилось понятно, какой он культурный и воспитанный. «Я вам еще пригожусь», – говорил весь его вид. И он был совершенно прав.

Глава 4

За ужином, изучив содержимое глиняного горшочка, который торжественно водрузила перед ней Нурия, Анна предположила, что в этом самом «горшочке» содержится как минимум полтеленка и урожай с небольшого огорода. Размах впечатлял! Кроме того, становилось ясно, что голодная смерть подруге не грозит.

Ники и Каспер оценили угощение по достоинству. Оба с аппетитом поглощали его, каждый из своей тарелки. Видно было, что им хочется побыстрее расправиться с трапезой и отправиться на разведку в сад.

Когда подруги остались одни, Анна решилась наконец задать вопрос, который мучил ее с самого приезда.

– Удалось узнать что-нибудь о миссис Клэрксон? – Голос ее, когда она спрашивала, помимо воли дрогнул.

– Не волнуйся. Эта женщина действительно живет здесь, я даже отыскала ее дом. Хотела поговорить с ней сама, но потом решила, что это должна сделать ты. Я правильно поступила?

– Конечно! Только почему ты молчала столько времени? Не могла шепнуть в аэропорту, садистка ты такая?

– Э, нет, я тебя знаю! – погрозила пальчиком Нурия. – Скажи я тебе там – плакал бы мой ужин. Ты понеслась бы сломя голову к этой тетке, и неизвестно, чем бы все закончилось. Хорошие новости могут и подождать. Пойдешь к ней завтра с утра, на свежую голову. Согласна?

– Куда ж теперь деваться, – развела руками Анна. Мысль, что они приехали в такую даль не зря, внушала ей самые радужные надежды.

– Что-то Лелька задерживается, – пробормотала Нурия, уже в который раз выглядывая в окно, за которым быстро темнело.

– Задерживается? Погоди-ка, разве она не в колледже? Что у нас там сегодня, среда? Или у них каникулы? – забеспокоилась Анна.

– Ох, Анька, ты же ничего не знаешь, – вздохнула подруга. – Лельке тут на днях здорово досталось. Я не успела тебе написать сразу, а потом решила, что все расскажу при встрече. Так даже лучше.

– Эй, слушай, что за дела? – нахмурилась Анна. – Что случилось с девочкой? Почему ты молчала?

– По той же причине, что и о тетке Ника. Не хотела портить встречу. Мы же так давно не виделись. Кроме того, у тебя у самой проблем невпроворот...

– Тьфу на тебя! – беззлобно выругалась Анна. – Вот в этом ты вся. Молчишь, терпишь, пока совсем не вмоготу не станет. И не стыдно? А мне поначалу показалось, что Америка тебя изменила.

– Есть немного, но характер-то не изменишь. Не злись. Сейчас все расскажу, только коротко, не хочется повторять это при Лельке. Она собиралась пойти в кино с Керри и очень хотела успеть вернуться к твоему приезду, только задерживается почему-то.

– Ладно, пока светло, можно особо не беспокоиться. Рассказывай, в чем там дело.

– История, надо сказать, просто невероятная, – начала Нурия. – Знаешь, никогда не думала, что такое может произойти со мной, то есть с кем-то из моих близких.

Анна ничего не сказала на это, приготовившись внимательно слушать. Только бы Нурия не передумала рассказывать, а выводы как-нибудь сделаем по ходу дела сами.

– В общем, получилось так, что с последнего триместра Лелька из Бостонского университета перевелась в Дэнверс. По-нашему, это что-то вроде факультета, называется колледж Святой Елены.

– Если я ничего не путаю, ты мне об этом не писала... – удивленно приподняла брови Аня.

– Не писала, – согласно кивнула головой подруга. – Сама не знала, как отнестись к этому переводу, а беспокоить тебя понапрасну не хотела. Вот, думала, разберусь, что к чему, а потом уж и тебе доложу обстановку. Ну и разобралась в результате, – состроила она кислую мину.

– Что-то пошло не так? Почему вообще Леля решила сменить место учебы? Не потянула, что ли?

– Да нет, как раз наоборот. Колледж Святой Елены даже более престижен, чем центральное отделение. У них в списке выпускниц половина американских знаменитостей.

– Выпускниц?

– Ну да. Это женское отделение, изучают общий курс естественных наук – эдакий винегрет из элементарной физики, химии и биологии, сваленных в одну кучу, как бог на душу положит. Короче, на этом отделении естественные науки не в большом почете, основной упор делается на изучение истории искусств, театра, ну и так далее – гуманитарное направление, одним словом.

– И кем же становятся выпускники этого колледжа?

– В том-то и дело, что кем только не становятся – учеными, артистами, режиссерами, даже крупными политиками.

– Женщины – политиками? – не поверила Анна.

– Ага. Я тебе потом одну книжку покажу – упадешь! В разное время в этом колледже учились дочери нескольких американских президентов и государственных деятелей Европы. После его окончания выпускниц автоматически, без экзаменов, зачисляют в самые престижные университеты! В общем, моя дурочка Лелька прыгала от восторга, когда ее в эту «Святую Елену» приняли. Помимо всего прочего, ты же знаешь, как у нее туго с математикой, а они ее там, по-моему, вообще не изучают. Лельке же только того и надо. А самое привлекательное для меня, что стипендия у нее тоже выросла. Кажется, у колледжа есть какой-то специальный фонд, учрежденный чуть ли не триста лет назад. С деньгами у нас было не густо, так что вопрос со стипендией решил все. – Нурия немного помедлила, задумчиво вертя чашку с остывшим кофе. – Ну, так вот. Поначалу все шло прекрасно. Лелька училась, я крутилась по хозяйству, радуясь, что девчонка рядом, в двух шагах от дома. Надо сказать, что у них там, в этом колледже, очень строго с религией. Каждое воскресенье – в церковь, утром и перед едой молитвы читают. Мы-то атеистами росли, ничего в этом понимать не научились, но я не особенно расстраивалась. Пусть лучше верит в бога, чем не верит ни во что. Ты не подумай, они с этим не пережимали, просто здесь это в порядке вещей.

– Пока я не слышу ничего страшного. – Анна постаралась ускорить рассказ подруги. Она чувствовала, что Нурия как бы оттягивает момент, когда придется сказать самое главное, но с минуты на минуту могла вернуться Лелька, и тогда разговор отложится на неопределенное время, а потом Нурия может и вовсе передумать говорить об этом.

– Еще услышишь, – невесело усмехнулась Нурия. – Ты, наверное, думаешь, что я специально тяну резину? Ошибаешься. – Она вздохнула, удрученно качая головой. – На территории колледжа есть старинная часовня. Учениц держат в строгости. Подъем у них в половине седьмого утра. А одна из воспитанниц, дежурная, встает еще раньше. В ее обязанности входит ударять в колокол, у них там какая-то утренняя молитва полагается... Как ее?..

– Заутреня?

– Ага. Она самая. В общем, все, как в каком-нибудь историческом бульварном романе – монастырь, воспитанницы, заутреня...

– Не хватает только таинственного убийства, – мрачно пошутила Анна.

– Будет тебе и убийство, – хмуро пообещала Нурия.

Анна подумала, что она шутит, но подруга и не думала улыбаться. Наоборот, в ее глазах появилось затравленное, тоскливое выражение, и Анна только сейчас поняла, что постройневшая подруга просто высохла от снедающей ее тревоги.

– Дело было в пятницу. Я уже собиралась готовить праздничный ужин к ее возвращению на уик-энд, как вдруг прибегает запыхавшаяся Керри, зеленая, что твоя крапива под забором, глаза – сумасшедшие, и бормочет какую-то ерунду. Я поначалу не сообразила, что к чему, решила, что девчонка умом тронулась. Кстати, это было бы неудивительно, но Керри – это отдельная история, потом объясню. Кое-как удалось разобраться, что с Лелькой что-то случилось. Я, в чем была, помчалась вместе с ней в колледж. А там уже толпа народу, полиция, «Скорая», зевак чертова туча набежала. А в центре всего этого – моя Лелька! В первую секунду я грешным делом подумала, что моя девочка умерла – она лежала на носилках такая бледная! Вокруг нее суеилось несколько врачей, пристраивали какие-то свои приборы. Я это увидела, опомнилась, сразу сообразила, что трупу капельница без надобности. Бросилась к ним, растолкала – откуда только сил и наглости хватило? – схватила ее за руку, а она, моя девочка, будто только этого и ждала, открыла глаза и улыбнулась мне. У меня от сердца отлегло, но сразу мысли появились: что с Лелькой? Почему она без сознания? Дочка снова отключилась, врачи меня быстренько оттеснили и потащили ее в машину. Меня с ней не пустили, правда, сказали, что я могу поехать в больницу, адрес назвали, а я, дура, с перепугу чуть все слова английские не позабыла. Спасибо, мисс Спарк подросла, записала мне все на бумажке, отвела в сторонку и объяснила, что произошло. Пока мы искали, где бы присесть, я успела заметить, что мимо пронесли еще одни носилки, только человек, который на них лежал, был в красном пластиковом мешке. Тут мне стало совсем нехорошо, даже передать не могу, какие в голову мысли полезли.

– Представляю, – кивнула Анна.

– Мисс Спарк рассказала, что Леля, придя в часовню, наткнулась на обезглавленный труп какой-то старухи. Девочка принялась бить в колокол, а потом потеряла сознание. Ее нашли в глубоком обмороке, но врачи уверяли, что с ней все в порядке. И они оказались правы. Почти. – Нурия словно запнулась.

Аня ждала, что она объяснит это свое «почти», но подруга этого не сделала. Рассказ будто отнял у нее все силы: она сидела, подперев рукой голову, и смотрела на Анну совершенно несчастными глазами.

– Так я поняла, что Леля просто от страха упала в обморок? – уточнила Аня. – Это не так уж опасно. Ведь она быстро пришла в себя, правильно?

– В общем, да, но... – Нурия снова осеклась, не договорив фразу. Аня понимала, что давить в данную минуту не следует, хотя чувствовала, что ей что-то недоговаривают. Сейчас ее очень интересовал вопрос, откуда взялась в часовне престижного учебного заведения обезглавленная женщина. Нурия ничего о ней не сказала, и Аня решила спросить об этом напрямик.

– А что случилось со старухой? Как она туда попала?

– Не знаю, – пожала плечами подруга. – Все это очень странно. Женщину убили таким страшным способом в таком странном месте, и не нашлось ни единого свидетеля, видевшего хоть что-то подозрительное.

– Действительно, странно, – задумчиво проговорила Аня.

– И, ты знаешь, это не единственная загадка.

– Вот как?

– Да. Во-первых, Лелька сказала мне позже, что когда она пришла в часовню утром, то дверь была заперта.

– То есть обычно она бывает открытой?

– Именно. Лелька удивилась, конечно, но списала все на то, что кто-то решил зло подшутить над ней, сделать так, чтобы она не смогла ударить в колокол вовремя. За это полагается наказание – еще три утра подряд ей пришлось бы звонить в этот колокол вне очереди.

– Интересные шуточки у этих воспитанниц.

– Ага, прямо дедовщина, как в армии. Лелька решила не сдаваться, обошла здание и взлезла через незапертое окно в ризнице. И все.

– В каком смысле – все?

– В прямом, в каком же еще? Больше Лелька ничего не помнит. Ни как увидела тело, ни как звонила в колокол. Полный провал памяти, или как там это по-научному называется?

– Амнезия, – машинально подсказала Анна. – Это, в общем-то, вполне нормальная реакция.

– Знаю, – грустно кивнула Нурия. – Мне все популярно объяснили. Вот только...

– Тетя Аня! – Раздался от порога радостный возглас. Анна обернулась и увидела улыбающуюся Лельку, неслышно вошедшую в комнату.

Леля всегда напоминала Анне портрет работы прерафаэлитов. Та же гордая головка на неправдоподобно высокой шее, прямой носик и изогнутая короткая верхняя губа, огромные печальные глаза, прозрачные, словно речная заводь, но главное сходство в волосах, переливающихся всеми оттенками золота, густыми волнистыми прядями спадающих на худенькую спину наподобие средневекового плаща. Пару раз девчонка, устав возиться с непокорной гривой, грозила остричь их к чертовой матери, и тогда Нурия, исчерпав все аргументы против, звонила Анне, зная, что та приложит все силы, чтобы сохранить эту красоту в неприкосновенности. В детстве Лелька напоминала ангела. Теперь у этой девушки было такое лицо... Оторваться невозможно, забыть – тоже не получится. Из другого мира, из другой эпохи, когда движения у женщин были плавными, а глаза – безмятежными.

С приходом Лели разговор о недавних событиях пришлось прервать. Тем не менее Анна весь вечер исподтишка присматривалась к девочке, пытаясь определить, действительно ли пережитый шок в часовне прошел для нее без последствий. Пришло время ложиться спать, но Анна так и не смогла прийти к какому-то определенному выводу.

Ночью Аню разбудил странный звук. Она открыла глаза и прислушалась. Какое-то время было тихо. Она даже решила было, что ей показалось, – в старом доме, естественно, все время что-то поскрипывало и постукивало. Девушка перевернулась на другой бок, собираясь спать дальше. Ники, уткнувшись носом в подушку, тихонько сопел рядом. Каспера в комнате не было. Должно быть, бродит где-нибудь по дому в поисках обещанных мышей. Анна закрыла глаза.

И тут звук повторился. Он шел откуда-то из-за стены. Сначала стон, затем невнятное бормотание. Она не сразу сообразила, что этот звук доносится из спальни Лели, расположенной как раз слева от комнаты, выделенной хозяйкой для гостей.

Анна приподнялась на локте и снова прислушалась, попутно решая, стоит ли выбираться из теплой постели и тащиться по холодному коридору в комнату девочки, чтобы проверить, все ли в порядке. Если бы ей не удалось ничего больше услышать, она с удовольствием осталась бы на своем месте, но крик повторился вновь. Теперь он звучал гораздо отчетливее, и Аня узнала голос Лели. В этом голосе сквозил страх. Именно этот страх заставил Анну без дальнейших раздумий выскочить из кровати и отправиться в соседнюю спальню.

Леля была в своей постели. Анна осторожно подошла к ее кровати и взглянула на лицо девочки. Глаза той были закрыты, точнее, крепко зажмурены. Даже во сне она старалась

поплотнее закрыть глаза, чтобы не видеть чего-то страшного. Несколько секунд Леля лежала тихо, потом голова ее несколько раз дернулась из стороны в сторону, она тяжело задышала, как будто задыхаясь от быстрого бега, потом вскрикнула:

– Нет! Не хочу!.. Не делайте этого, пожалуйста! – хныкала она жалобно, как маленький испуганный ребенок.

Анна поняла, что надо немедленно разбудить девочку, чтобы оборвать преследующий ее кошмар, и стала гладить ее по плечу, приговаривая:

– Лелечка, детка, проснись! Проснись, солнышко!

– Это не поможет, – раздалось у нее за спиной. Анна обернулась и увидела Нурию в длинной ночной рубашке, босиком. Видимо, она услышала стоны девочки даже на первом этаже.

– Почему ты говоришь, что не поможет? *Что* не поможет?

– Будить ее бесполезно. Она ничего не вспомнит. А потом заснет, и снова будет кричать и звать на помощь. Это повторяется каждую ночь. Она не жалуется, ничего не говорит, но тает на глазах, как маленькая свечка, пламя которой неуклонно плавит воск хрупкой оболочки. Я просто не успела тебе сказать... – Каким-то ровным, безжизненным голосом проговорила Нурия, а потом неожиданно всхлипнула:

– Анька, что с моей дочерью?!

Анна быстро подошла к подруге и обняла ее за дрожащие плечи.

– Не знаю, – честно призналась она, не сводя глаз с беспокойно ворочающейся на смятых простынях девочки. – Подозреваю, что это началось после случая в часовне, ведь так. Да?

– Да. Но с ней же там ничего не случилось. Даже тела женщины она не видела. То есть видела, но после обморока эта картина начисто стерлась из ее памяти. Ты думаешь, она боится этой умершей старухи? Или, может быть, она видела убийцу, но забыла об этом, а во сне вспоминает и испытывает страх?

– Все может быть, – неопределенно ответила Анна. Поведение крепко спящей девочки о чем-то ей напоминало, но она никак не могла поймать ускользающую мысль за тоненький хвостик. – Ты рассказывала врачам о ее ночных кошмарах?

– Конечно. Но они как-то не придали этому значения. Многие дети кричат во сне. Чтобы понять, что вызывает мою тревогу, надо ее видеть в этот момент, но не могу же я пригласить сюда врачебный консилиум с ночевкой? А в больницу лечь Лелька отказывается. Дело в том, что она вообще не помнит свои сны. Я знаю, она не притворяется, она действительно думает, что спит спокойно, а у меня – классический старческий маразм на почве родительской любви. Так ведь не бывает, правда? Ты же мне веришь? С ней что-то не так, я чувствую.

– Проверим. Раз уж я здесь, попробую разобраться, что за чудеса творятся с твоей девочкой. Я, конечно, не психиатр, но, чувствует мое сердце, что и проблемы здесь не психиатрические.

– А какие? – встревоженно спросила Нурия.

– Пошли спать, – вместо ответа сказала Анна и первой вышла из Лелькиной спальни.

Глава 5

Рано утром Анну разбудило щебетание птиц и бьющий в глаза сквозь стекло прозрачный свет нового дня. Несколько минут она позволила себе просто полежать, расслабившись, вытянув ноги под теплым одеялом, и с наслаждением вдыхала аромат деревенского утра – неповторимую смесь запахов влажной земли и трав. Она чувствовала, что утро еще по-настоящему не наступило, было часов шесть, не больше, но спать уже не хотелось. Просыпаться, правда, тоже. Она лениво пыталась вспомнить сон, который видела. За последнее время ей впервые снилось что-то приятное. Жаль, что сон растворился с восходом солнца, осталось только ощущение чего-то светлого и радостного.

Она открыла глаза, чтобы посмотреть на спящего Ники, и подскочила на постели, обнаружив, что постель пуста. Машинально взглянув на часы, она убедилась, что сейчас на самом деле всего лишь четверть седьмого. Куда подевался мальчишка в такую рань? Может, захотел в туалет? От этого предположения она немного успокоилась, но сон окончательно прошел, и она встала с постели, чтобы убедиться, что с Ники все в порядке. Сунув ноги в тапочки и набросив халат, Анна вышла в коридор и стала осторожно спускаться по лестнице, стараясь не разбудить скрипом половиц остальных обитателей дома.

Осторожничала она, оказалось, совершенно напрасно. Нурия обнаружилась на кухне возле огромной черной, отчаянно шипящей сковороды, на которой жарилась гигантская яичница с кусочками ветчины и зеленым луком.

– Привет, – улыбнулась она, увидев Анну на пороге кухни. – Как раз ко второму завтраку.

– А когда был первый? – глупо улыбаясь, спросила Анна, плохо соображая спросонок.

– Полчаса назад. Лелька повела Ники смотреть восход на океане. Между прочим – потрясающее зрелище. Ради этого стоит проснуться пораньше.

– Как же так? Почему они мне ничего не сказали? – обиделась Аня.

– А зачем? Леля присмотрит за мальчиком, они друг другу понравились. Не обижайся. Просто если ты сумеешь договориться с миссис Клэрксон, то Ники придется провести долгое время в больнице, и неизвестно, когда появится другая возможность увидеть восход солнца над океаном.

– Ладно, ты, как всегда, права, – вздохнула Анна, усаживаясь на табуретку возле стола. – Как Леля?

Нурия поняла, о чем спрашивала Анна, и пожала плечами:

– Как я и говорила – ничего не помнит. Спокойная, веселая. Они с Ники трещали без умолку, как два взбесившихся воробья.

Говоря это, Нурия поставила перед Аней тарелку с яичницей. К аппетитному запаху поджаренной ветчины примешивался другой, тот, который не понравился Ане накануне. Девушка невольно поморщилась.

– Воняет? – понимающе кивнула Нурия.

– Да, то есть, нет. Пахнет просто превосходно.

– Я не про яичницу, я про эту вонь, которая витает в доме.

– Так ты тоже чувствуешь?

Нурия засмеялась:

– Еще бы нет! Я уже извелась вся, стараясь отыскать источник этого безобразия. Но все без толку.

– Может, лучше было подыскать другой дом? Неужели не было других вариантов по той же цене? – Осторожно, чтобы не обидеть подругу, спросила Аня.

– О, это была целая история! Дом, оказывается, надо арендовать с умом. Это, правда, я теперь такой спец, а тогда ничегошеньки не понимала в местных тонкостях.

– А что, здесь процесс идет как-то иначе?

– Черт его знает. Я, по правде говоря, у себя дома домов в аренду не брала. Да и нету у нас там таких домов, сама знаешь, только «хрущевки», «ленинградки» да «сталинки». Про них и так все известно. Все сильные и слабые места – как на ладони: «хрущевки» – тесные, «сталинки» – гнилые, «ленинградки» – серединка на половинку. Правильно? – спросила она и сама себе ответила: – Правильно! А дом – это совсем другое дело. Тут без поллитры – никуда.

– В каком смысле? – не совсем поняла Анна.

– Да хоть в каком. Щас все объясню. Вдруг пригодится. Должна же от моих мытарств быть хоть какая-то польза? Хоть тебя научу на будущее. Самое главное – это агент, – принялась Нурия загибать пальцы. – Он должен быть хорошим.

– А как ты узнаешь, хороший он или нет, если ты его в глаза не видела?

– Правильное замечание. Тут уж как повезет. Понимаешь, он работает на проценте. Только платишь ему не ты, а тот, кто продает. Поэтому для агента главное – продать как можно больше. Естественно, как только ты попадешь в поле его зрения, он начнет сватать тебе самую заваль из серии «этот дом стоит таких денег, только если в гараже зарыты сокровища Стеньки Разина».

– Нурия, Разин в Америке не был, – предупредила сквозь смех Анна.

– Один шут. Я-то этой фишки не знала, ну и купилась. Показал он мне для разгона парочку откровенных сараюшек, а потом привел сюда. Захожу – батюшки мои! – пирогами пахнет, свечи ароматизированные горят, в камине дрова полыхают! Сказка! Запомни: если такое когда увидишь – можешь дальше прихожей не ходить. Оказывается, это старый трюк: вызывают у тебя ощущение домашнего уюта, а заодно с помощью всех этих свечек-печек вкупе с пирогами забивают запах старых ковров и мокрого подвала! Я попалась, подписала контракт прямо там же, в прихожей. И что? Пирог съели, свечи догорели, а я теперь после каждого дождя выкачиваю из подвала воду, не понимая, как же я всего этого безобразия не заметила и не унюхала. Так что в следующий раз я буду выбирать дом исключительно после дождя и в самое поганое время года.

– То есть этот запах, – Анна повертела рукой в воздухе, – из-за мокрого подвала?

– Не знаю, – удрученно ответила Нурия. – Вроде бы я все там осмотрела. Нечему так вонять. Ты чувствуешь? Будто покойник в доме.

– Похоже, – кивнула Анна. – Может, крыса под полом сдохла? Говорят, они ужасно воняют.

– Скорее всего. Главное, что запах появился не сразу, где-то недели через полторы. Как раз дожди перестали, потеплело – и началось! Надо будет пригласить кого-нибудь полы вскрыть. Только на это деньги нужны, а у нас с Лелькой – в обрез.

– Ну, с деньгами я помогу, – отмахнулась Анна. – Жалко же, дом-то, в общем, очень симпатичный.

Она огляделась. Полный утреннего солнца, он сейчас казался теплым и надежным прибежищем от любых неприятностей. Этим спокойным мирным утром ничто в кухне-гостиной не предвещало скорой трагедии.

Покончив с завтраком, Анна засобиралась: ей не терпелось встретиться с миссис Клэрксон. Помимо воли сердце ее болезненно сжималось, тревога оттесняла на второй план все остальные переживания. Впервые в жизни Анна понимала, что чужая судьба для нее важнее собственного благополучия.

Нурия вызвалась отвезти ее, и Анна была благодарна за поддержку, от волнения ноги ее плохо слушались.

Дом миссис Клэрксон прятался в самом конце тенистого сада, в котором совсем не было цветов, только плодовые деревья – кажется, груши – и ровно подстриженная зеленая трава. Перед домом, прямо на газоне под бледно-голубым тентом был подвешен диван-качалка, а вокруг белого пластикового столика стояли три плетеных стула. Белая садовая мебель выглядела очень симпатично на зеленой траве лужайки.

Дверь открылась сразу, как только Анна надавила дрожащим пальцем на звонок, будто хозяйка стояла за дверью и подглядывала за ней в замочную скважину. Конечно, этого не могло быть в действительности, но Ане почему-то стало неприятно. Тем не менее при виде аккуратной женщины неопределенного возраста Аня постаралась соорудить подобающую мину – серьезность, ответственность плюс немного скромности, – хотя и не была уверена до конца, что ей удалось изобразить все это одновременно.

Миссис Клэрксон – а это именно она открыла дверь – весьма доброжелательно поздоровалась, когда Анна представилась, и пригласила гостью в маленькую уютную гостиную. Опять же по приглашению хозяйки Аня присела на краешек дивана со старомодно изогнутыми подлокотниками и цветастой шелковой обивкой. Она всерьез опасалась, что раздастся страшный скрип, но гладкая подушка сиденья неожиданно оказалась жесткой, как камень.

От волнения у девушки пересохло в горле. Она не знала, как сообщить о своей просьбе в такой форме, чтобы женщина не выгнала ее после первых же слов. Ведь покойная ее сестра, насколько понимала Анна, не желала ее знать. Анна могла только догадываться о том, какая черная кошка пробежала между ними, но ведь она, по сути дела, не знала ни ту, ни другую. Зато она знала и любила мальчика, и это помогло ей быть максимально убедительной.

Миссис Клэрксон внимательно выслушала сбивчивый и страстный монолог незнакомой русской девушки, говорящей по-английски почти без акцента. Она ни разу не перебила ее, не задала ни единого вопроса, пока Анна не закончила. Все это время Анна пыталась понять по выражению ее лица, какого ответа следует ждать. Но даже ее телепатические способности на этот раз оказались бесполезными. Она не чувствовала ровным счетом ничего, что могло бы подготовить ее к тому или иному исходу дела. Когда миссис Клэрксон наконец открыла рот, Анна была на грани обморока от перенапряжения.

Нурия с волнением всматривалась в глубь сада, ожидая появления Ани, за которую очень беспокоилась. Она приготовилась к долгому ожиданию и потому несказанно удивилась, увидев знакомую тонкую фигурку, быстро шагающую по посыпанной гравием дорожке. У Нурии вытянулось лицо, что в точности соответствовало выражению, написанному на лице Анны.

– Она тебя выгнала? – испуганно спросила она подругу, как только та плюхнулась на соседнее сиденье машины с совершенно потерянным видом. Анна повернула к ней бледное лицо, слабо улыбнулась и покачала головой:

– Нет, Нурия, она согласилась.

– Ну ты даешь! Почему же у тебя такое лицо, будто ты только что похоронила любимую бабушку и узнала, что та завещала миллион долларов соседской болонке? Почему не радуешься?!

– Я радуюсь, – устало сказала Анна. – Но мне почему-то кажется, что меня обвели вокруг пальца. Как в старом анекдоте про «нового русского», который продал черту душу за миллион долларов и никак не мог понять, в чем же подвох.

– А мне кажется, что ты просто спятила от нервов! Ты только подумай: тетка согласилась на операцию, и Ники скоро станет здоровым, нормальным мальчишкой! Подожди. – Нурия на мгновение нахмурилась. – Она что, заломила за свое согласие кучу бабок?

– Вовсе нет. Она согласилась сразу, мне даже не пришлось ее уговаривать. А ведь лечь на операционный стол – это не в магазин за картошкой сбегать. И вообще... – Она замолчала, сосредоточенно что-то обдумывая.

– Ну что «вообще»? – теребила ее Нурия, которой тоже передалось беспокойство Анны.

– У меня такое ощущение, будто она знала о моем приходе сюда, понимаешь? Знала, что я обращусь к ней с такой просьбой.

– Не дури, откуда она могла знать? – преувеличенно бодро возразила Нурия. Но, к сожалению, ей было известно, что «ощущения» Анны частенько оказывались верными, однако прислушаться к ним сегодня означало лишить маленького мальчика единственной надежды на то, чтобы стать нормальным. Об этом Нурия и сказала Ане, и та вынуждена была признать, что на этот раз подруга говорит мудрые вещи – шанс надо использовать, а уж защитить малыша от возможной опасности – если она в самом деле существует – они сумеют.

Не откладывая дела в долгий ящик, чтобы ненароком не передумать, Анна сгребла Ники в охапку, и они отправились в Бостонскую мемориальную клинику. Если бы не помощь Нурии, Анне пришлось бы здорово помучиться в незнакомом городе. Но подруга, прожившая в этих краях уже почти год, доставила их к больнице в рекордно короткие сроки. До конца рабочего дня оставалось еще три часа, и Анна надеялась застать нужного специалиста на месте.

Нурия осталась в машине, а Анна, держа за руку заметно побледневшего и притихшего мальчика, пошла к главному входу в здание. Серые гранитные ступени длинной полукруглой лестницы начинались с противоположных участков тротуара и встречались только на каменном крыльце перед входом. Над тяжелой, невероятно высокой двойной дверью красовалось высеченное на мраморной табличке название клиники и дата ее основания.

Толкнув одну из створок большой двери, они вошли в просторный вестибюль. Едва оглядевшись, Анна почувствовала, что ее сердце застучало быстрее, в горле пересохло: это был вестибюль из ее сна, та же тусклая плитка от пола до потолка, те же высокие окна. Преодолевая внезапно сковавший ее страх, она огляделась, почти уверенная в том, что сейчас им навстречу выйдет тот самый доктор. Но вестибюль был пуст. На двери справа значилось: «Приемная». Впереди, в дальнем конце вестибюля, сквозь стеклянную вращающуюся дверь была видна решетка большого старомодного лифта, у входа в который сидел седой лифтер в безукоризненно белой униформе. Присутствие живого человека, не имеющего отношения к ее кошмару, несколько успокоило девушку, и она решительно двинулась к приемному покою, не выпуская руку Ники из своей.

Первое, что поразило воображение девушки, – это четкость и отлаженность действий медицинского персонала клиники в сочетании с безупречной вежливостью. Как только она объяснила цель своего визита, аккуратная медсестра с профессионально-вежливым лицом объяснила, в какой кабинет им следует идти, чтобы получить консультацию по поводу предстоящей операции.

Анна все еще боялась узнать во враче монстра из сна и поэтому чуть помедлила, прежде чем шагнуть в кабинет, на двери которого висела блестящая табличка: «Доктор С. Нортон. Главный хирург», но ее опасения оказались напрасными: доктор Нортон оказался похожим на доктора Айболита, будто специально гримировался. Его располагающая внешность не смогла напугать даже маленького Ники, который робко улыбнулся, отвечая на дружеское рукопожатие врача.

Кабинет был очень просторным, меблированным только самым необходимым. У окна стоял большой письменный стол, а вдоль стен – несколько шкафов с инструментами, сверкающими на стеклянных полках. Анна поспешила поскорее отвести от них взгляд, заметив среди других инструментов блестящий острый скальпель. Кроме того, в комнате имелись

три удобных кожаных кресла для посетителей и книжный шкаф, заполненный специальной медицинской литературой.

Предложив Анне и Ники кресла, доктор Нортон уселся за свой стол и положил перед собой руки с большими сильными пальцами. Чуть подавшись вперед, он внимательно посмотрел на Анну, показывая, что готов слушать ее сколь угодно долго.

Но разговор оказался короче, чем можно было предположить. Доктор осмотрел малыша тут же, в кабинете. При этом он ничем не выдал своего удивления, увидев поросшую густой шерстью спину ребенка, за что Анна была ему крайне признательна. Вряд ли врачу приходилось часто сталкиваться с подобными случаями, но он тактично молчал во время осмотра, заговорив только после того, как попросил мальчика выйти в коридор «посмотреть на золотых рыбок в вестибюле». Ники еще по дороге сюда обратил внимание на красиво оформленный фонтанчик с рыбками и теперь с удовольствием выскочил за дверь, чтобы рассмотреть их поближе. Удивительным образом после общения с доктором Нртоном страх малыша исчез, и Анна даже опасалась, что Ники попытается поудить в фонтане рыбу. По этой причине во время серьезного разговора с врачом она все время прислушивалась к происходящему за дверью, что не мешало ей со знанием дела обсуждать со специалистом вопрос о помещении мальчика в клинику. Привыкшая к нашей вечной российской волоките, Аня предполагала, что выяснение формальностей займет по меньшей мере неделю, и была поражена, когда врач предложил оставить Ники в клинике прямо сегодня, пообещав, что уже завтра с утра они начнут проводить обследование и готовить маленького пациента к операции.

Во всей этой истории ее поверг в шок лишь названный размер гонорара. Когда доктор назвал цифру, Анне стоило немалых усилий сохранить на лице невозмутимое выражение. Торговаться в подобном месте было бессмысленно, а названная сумма съедала почти все, что было у нее, а это – без малого восемьдесят тысяч долларов. Оставалась какая-то мелочь на билеты, но на то, чтобы обеспечить малыша всем необходимым на время восстановительного периода, денег уже не хватало. И тем не менее Анна дала свое согласие, не решившись искушать судьбу, которая могла отнять у них этот единственный, последний шанс. А деньги она как-нибудь раздобудет. У нее впереди целых две недели – именно столько придется провести Ники в стационаре.

Доктор вызвался сам оповестить миссис Клэрксон о сроках проведения операции и оформить с ней все формальности, включая официально заверенное согласие на использование ее в качестве донора, но Анна попросила разрешения сообщить об исходе переговоров женщине лично и доставить ее в больницу завтра с утра.

Ники услышал, как хлопнула дверь кабинета, и бросился к Ане, собираясь показать ей забавных рыбок, но, увидев выражение ее лица, затормозил на полпути, испуганно переводя глаза с нее на доктора Нортон. Доктор ободряюще похлопал Анну по плечу и отошел в сторону, предоставив ей возможность сообщить малышу новость.

– Нам с тобой повезло, солнышко, – проговорила Аня, стараясь удержаться от слез, – всего через несколько дней мы избавим тебя от... от этой болезни. Ты ведь не будешь бояться, правда?

Она заглянула ему в лицо и встретила с его грустными, не по-детски серьезными глазами.

– Аня, не плачь, – прошептал Ники и погладил ее по голове. – Я ни капельки не боюсь. Правда-правда! Пойдем к доктору.

Ники ухватил ее за руку и потянул за собой. Анна пошла за ним, украдкой, вытирая слезы. Ей не хотелось оставлять Ники одного в этой огромной больнице, и одновременно она жаждала, чтобы он побыстрее вернулся к нормальной жизни. Эти два желания никак не соединялись в единое целое, и ее сердце разрывалось на части, как в том страшном сне. Впервые за долгие годы она боялась довериться своей интуиции. Точнее, интуиция молчала,

оставляя Анну в неведении относительно исхода операции. Невероятно! Впервые ей хотелось заглянуть в будущее, а оно упорно пряталось за плотной серой пеленой, пугая и мучая ее неизвестностью.

Вид чистенькой светлой и уютной палаты, куда Анну и мальчика проводила приветливая медсестра, немного успокоил ее. Эта комната совсем не походила на больничное помещение. На окнах висели веселые занавески с детским рисунком, в углу, на тумбочке, стоял телевизор, а возле удобной постели с подвижным подголовником – мягкое пузатое кресло.

Ники изо всех сил старался делать вид, что ему не страшно. Он даже попытался улыбнуться, когда Анна собралась уходить. Выйдя из больницы, она отыскала глазами окно его палаты и увидела своего Ники. Малыш взобрался на подоконник и прижался лицом к оконному стеклу. Аня всхлипнула и помахала ему рукой. Он помахал в ответ, и махал до тех пор, пока она не села в машину.

– Не реви, – строго сказала Нурия, впихивая в крепко стиснутые пальцы подружки чистый носовой платок. – Чего сырость развела? Думаешь, ему с шерстяной спиной-то лучше будет? Подумай об этом. И в следующий раз никаких истерик. Ты ему должна всем своим видом показывать, что все делается правильно. Он же тебе верит, а когда видит, что ты ревешь, как маленькая, то только еще больше расстраивается.

– Нуриюшка, он же такой маленький! – всхлипнула Анна. – И он там совсем один!

– Не один, а в руках опытных врачей, которые знают свое дело и смогут ему помочь, – отрезала Нурия, вдавливая в пол педаль газа почти до упора. Машина взревела, почти заглушив ее следующие слова, но Анна расслышала тихое:

– Если у него хватило духу пережить то, что проделал с ним этот изверг в джунглях, то он выдержит. Поверь мне. Тогда он был совсем один, на его глазах убили родителей, а теперь рядом с ним ты. Вот и помоги ему.

– Спасибо, Нурия. Я все поняла. Просто у меня никогда не было детей, не было никого, кто бы так сильно зависел от меня, как зависит Ники. Я чувствую свою ответственность за него и боюсь совершить ошибку.

– А ты не бойся! – улыбнулась Нурия, тряхнув темными кудрями. – Ты и так сделала почти невозможное. Остальное само пойдет. Увидишь!

Глава 6

Нурия обладала удивительным талантом успокаивать. К тому моменту, когда старенький «Форд» плавно затормозил у дома, Анна почти пришла в себя. Но даже рассудительность подружки дала трещину, когда, открыв входную дверь, они обнаружили, что в доме все перевернуто вверх дном. Нет, ничего не было сломано, если не считать отвалившейся скобы на двери, ведущей в подвал, но кто-то основательно покопался во всех вещах, включая и чемодан Анны. В центре комнаты, посреди разбросанных вещей сидел Каспер, презрительно щура глаза на яркий свет.

– Мда, и что все это, черт возьми, значит? – спросила Нурия, обессиленно опускаясь на табуретку, почему-то оказавшуюся в прихожей, когда они закончили осмотр дома и обнаружили, что незваный гость или гости благополучно скрылись до их прихода.

– Каспер мог бы рассказать, но, увы, он не умеет разговаривать, – хмыкнула Анна, внимательно осмотрев дверь в подвал, и добавила: – Мы их спугнули. В подвал они войти не успели. А, судя по тому, что потратили уйму времени на то, чтобы сломать этот замок, очень стремились туда попасть.

– Это надо понимать, как намек на то, что они могут вернуться? – уточнила Нурия.

Анна кивнула.

– Он или они – не знаю, но я бы на их месте вернулась. Сейчас мне гораздо интереснее знать, что они искали?

– Может, уже нашли? – с надеждой посмотрела на нее Нурия.

– Не-а. Если бы нашли то, что искали, в доме, то не стали бы ломать дверь в подвал. Интересно, что им было нужно? Ты не знаешь?

– Господи, да что у нас можно украсть? – всплеснула руками Нурия. – Денег так мало, что я всегда держу их при себе. А вещи... – Она обвела вокруг себя рукой: – Ну кому может понадобиться этот хлам?

– Вообще-то ты права, – согласилась Аня, по-прежнему не сводя глаз с двери в подвал, откуда совершенно невыносимо несло сыростью и затхлостью. – Не похоже, чтобы они хотели тебя напугать. Но, тем не менее, ответь: у тебя есть здесь враги?

– Нет. И друзей тоже. Здесь никто никому не интересен, особенно какие-то иностранцы. Леля подружилась с Керри, еще с несколькими ребятами. Но они тесно общаются лишь в колледже, а я все время дома одна. Поэтому меня, по-моему, просто не замечают.

Нурия сказала это спокойно, но Ане передалась ее внутренняя обида на незаслуженное равнодушие соседей, и она вдруг опомнилась:

– Слушай, а где же Лелька?

– Не волнуйся. Они с Керри договорились сегодня поехать на фестиваль клубники в Плант-сити, вернутся только завтра к вечеру. Так что ее здесь не было, слава богу. Ох, про клубнику вспомнила и поняла, что здорово проголодалась. Пошли сообразим что-нибудь на ужин. Насколько я могу понять, воры ничего не взяли! – крикнула Нурия уже из кухни, хлопая дверцей холодильника. – Продукты, по крайней мере, на месте.

– Уже плюс. А что это за фестиваль клубники? – Анна постаралась перевести разговор на другую тему. Что толку переживать, если воры убежали, ничего не пропало – строго говоря и пропадать-то было особенно нечему – и никто не пострадал? Анна подумала, что, скорее всего, в дом забрались дети, да и то не ради кражи, а просто ради баловства. Такая постановка вопроса успокаивала. Нурия занялась приготовлением ужина, а Анна, чтобы скоротать время, бродила по первому этажу, попутно собирая разбросанные повсюду вещи.

– Фестиваль клубники – это фруктово-ягодный базар, – рассказывала тем временем Нурия, доставая из холодильника запеленутого в прозрачную пленку фаршированного цып-

ленка. – Сейчас как раз убирают клубнику и проводят ярмарку. Во время нее не только продают ягоды всем желающим, а еще устраивают аттракционы, ковбойские базары, продают сувениры, играет кантри-музыка – без нее ну просто никак, американцы на ней помешаны. Ну и, конечно, всюду клубника, крупная, чистая, не чета нашей, можешь мне поверить. И стоит копейки.

– На чем же они деньги зарабатывают? – удивилась Анна.

– Ой, да на всем. Еду всякую продают, опять же – аттракционы для детей... Да еще парковка платная, а это, учитывая большой наплыв посетителей, куча денег.

Нурия уже успела разогреть духовку и засунула туда цыпленка, предусмотрительно помещенного в специальный жаропрочный лоточек, пояснив:

– Сейчас попробуешь настоящую американскую еду.

– А что она собой представляет? – полюбопытствовала Аня, пытаясь прочесть на смятой этикетке, валяющейся на краю кухонного стола, название блюда.

– Да ничего особенного: курица, фаршированная хлебом, луком, яйцами и всякими специями. Не бог весть что, но голод утолить можно. Кстати, на фестивале продают кучу всяких вкусностей, в том числе печеные яблоки, облитые карамелью, и фадж.

– Это еще что за зверь?

– Что-то вроде шербета, но...

Договорить Нурия не успела, наверху, в одной из спален, раздался оглушительный стук и звон бьющегося стекла.

Подруги испуганно переглянулись и, не сговариваясь, бросились по лестнице на второй этаж. Анна по пути прихватила сковородку, а Нурия вооружилась ножом для резки хлеба, который на вид выглядел весьма угрожающе.

На цыпочках, друг за другом они поднялись наверх, трясаясь от страха и прислушиваясь к каждому шороху. Свет они включать побоялись, темнота давала хоть какое-то преимущество.

В спальне Лельки гулял сквозняк, тонкие занавески трепетали, подхваченные ветром с улицы. В полумраке они были похожи на привидения, парящие в воздухе над узкой кроватью. Осколки стекла поблескивали в лунном свете на полу возле распахнутого настежь окна. Но в комнате никого не было. В соседней, там где разместилась Анна, тоже.

– Ничего не понимаю, – все еще шепотом сказала Анна. – Почему разбилось окно? Ты думаешь, здесь кто-то побывал? Может, те воры? Но где они прятались? Вроде мы все осмотрели...

Нурия не спешила с ответом, задумчиво хмуря брови. Анна могла бы поклясться, что у подруги есть какое-то объяснение случившемуся, но она почему-то не спешит поделиться им с ней.

– Мне кажется, окно разбилось само, – произнесла наконец Нурия. Голос ее при этом звучал не слишком убедительно. – Видишь, шпингалет был закрыт неплотно, оно распахнулось, рама ударилась о стену, и стекло от удара треснуло.

– Ты сама-то в это веришь? – усмехнулась Анна.

– А что мне еще остается? – пожала та плечами.

– Ладно, пусть будет шпингалет, – покорно согласилась Анна. – Пойдем вниз. Все равно здесь нет никого, кому пригодилась бы моя сковородка.

– И слава богу.

Они закрыли окно, тщательно заперев его, собрали осколки и стали спускаться на первый этаж.

Где-то на середине лестницы внезапно погас свет во всем доме.

– Что за шутки?! – рявкнула Нурия, и Анна услышала, как осколки, которые подруга несла в совке, угрожающе зазвенели.

– Осторожно! – вскрикнула она. – Не рассыпь стекло – порежешься. Лучше оставайся здесь, а я спущусь вниз и попробую воспользоваться свечами. У тебя есть свечи?

– Есть, – проворчала Нурия. – Но ты не найдешь, тем более в темноте. Держи совок. Я сама спущусь. Заодно и пробки проверю.

Анна поддержала предложение, хотя ей и не хотелось отпускать подругу одну бродить по ставшему вдруг опасным дому. Через некоторое время она увидела внизу слабый огонек свечи, освещающий встревоженное лицо подруги.

Спустившись, Анна первым делом высыпала осколки в мусорное ведро рядом с плитой, а потом подозрительно принялась.

– Слушай, а мы, случайно, не горим? – спросила она удивленно. – Только пожара не хватало!

– Мне тоже кажется, что пахнет дымом! – крикнула Нурия из коридора, где возилась с распределительным щитком.

Вспыхнул свет. Нурия вошла в кухню, держа в руках сразу три перегоревшие пробки, и застала Анну за странным занятием: та стояла на коленях, пытаясь открыть дверцу духовки, которую почему-то заклинило. Из духовки валил черный дым.

– Мать моя женщина! – Нурия бросилась на подмогу. Вдвоем они справились со злополучной дверцей, но только для того, чтобы увидеть основательно обгоревшие останки фаршированной курицы «по-американски». Кухню окончательно заволочло дымом.

– Открой окна, пожалуйста! – кашляя от едкого дыма, взмолилась Нурия.

Пока Анна выполняла ее просьбу, Нурия, обжигаясь и изрыгая проклятия, выволокла поддон с почерневшей птичкой и помчалась во двор, к выгребной яме, где намеревалась похоронить погибший ужин со всеми почестями. Когда она вернулась через пару минут, в кухне уже можно было дышать, правда, с трудом.

– Как это могло случиться? – с порога начала Нурия.

– Ну, ты, наверное, включила слишком сильный огонь... – попробовала Анна выдвинуть версию, но была остановлена возмущенным окриком:

– Анька! Мне сорок лет! Из них лет тридцать я готовлю. Если собрать всех кур, которых я за это время зажарила, то наберется небольшая птицеферма! И ни разу – ты слышишь? – ни разу я не сожгла ни единого паршивого цыпленка. Посмотри на плиту! Видишь?

– Ну? – Анна послушно уставилась на белый рычажок «Индезита» и разинула рот: он был вывернут на самый максимум, то есть на триста градусов, тогда как для приготовления цыпленка было достаточно и двухсот. Ошибиться на четыре деления подруга не могла, даже будучи в невменяемом состоянии. Тогда что же произошло?

– Дошло до тебя? – спросила Нурия, глядя на Анну почти с испугом.

– Дошло-то оно дошло, – кивнула Анна, – но что все это значит?

– Понятия не имею. Чертовщина какая-то.

– А раньше что-нибудь подобное бывало?

– Никогда, – уверенно ответила Нурия. – Хотя готовить дома я стала значительно реже. Если честно, то приистрастилась к пагубной привычке обедать в ресторане почти каждый день. Не думай, это не от больших денег, – поспешно добавила она, заметив удивленно округлившиеся глаза Анны.

– Здесь все так делают. Это даже более экономно. Продукты в магазине все равно надо покупать, потом их надо готовить. Купить и приготовить я могу, но из того, что лежит у них на прилавке, получается то, что есть потом совершенно не хочется. Как будто не то и не тем посыпано. Вроде все, как обычно: соль, сахар, перец с чесноком, а душа не лежит это вилкой внутрь заправлять. У них продукты какие-то особенные. Ненатуральные, что ли, по крайней мере те, что мне по карману. Я тут недавно случайно наткнулась на свою кулинарную книгу, которую тащила из самой России...

– И что? – Так смеялась, читая ее, что Лелька не выдержала и спросила: «Мать, ты в курсе, что это сборник «Татарская кулинария», а не подшивка анекдотов?»

– А чего ты смеялась?

– Ну как же, вот, например, «Яичница с колбасой»: порежьте колбасу ломтиками и обжарьте на сковороде в кипящем масле... – Нурия не удержалась и хихикнула.

– И что тут смешного? – нахмурилась Анна.

– Как ты не понимаешь? Тутешнюю колбасу нельзя обжарить!

– Почему?

– Потому, что она просто расплавится и испарится.

– Совсем?

– Ага.

– Ты пробовала?

– А то нет. – Нурия грустно вздохнула и добавила, так как любила во всем справедливость: – Есть у них, конечно, и нормальная колбаса, но она слишком дорогая. В общем, едим, что бог послал, в основном фрукты, хлеб, овощи, консервы. Иногда бог забывает послать, и тогда я варю яйца. Они, к счастью, точно такие же, как в России, их подделывать еще не научились. Сейчас яйца, как нарочно, кончились, курица сгорела, так что собирайся, ужинать пойдем в ресторан. Там готовить не просят, и стоит не так уж дорого.

– Слушай, может, не надо? Одеваться надо, краситься... – попыталась заартачиться Анна.

На самом деле ей очень не нравилось то, что произошло только что в этом доме. Она подозревала, что все это было сделано как раз для того, чтобы выманить их подальше, а Анна не привыкла поступать так, как хочется кому-то, тем более если этот «кто-то» имеет явно преступные замыслы и обладает болезненной изобретательностью.

Но Нурия ее не поддержала, а на попытку заявить о своих намерениях прямым текстом, ответила с удивительным хладнокровием:

– Ну и пусть берут все, что им понравится. Ты же видишь – они не отстанут, а если мы будем им мешать, то могут в следующий раз придумать что-нибудь похлеще. Бог с ними, пускай ищут в свое удовольствие, пока детей нет, а то завтра Лелька вернется.

– Кстати, здесь к ресторанам относятся совсем не так, как у нас, – продолжала Нурия уже по пути к машине. – У нас посещение ресторана обязательно должно быть «по поводу». День рождения там или свадьба. Надо пить водку, влезать в дорогие шмотки, танцевать... – Не замолкая ни на минуту, подруга вырулила на дорогу и на малой скорости покатила по тихой пустынной улице. – Здесь все по-другому: пришел, куртку под стол закинул и жди, когда тебя обслужат.

– Подожди, а зачем пальто под стол? – удивилась Аня.

– А здесь так принято. Полы у них чистейшие, а гардеробы есть не во всех ресторанах.

– Ага, – глубокомысленно произнесла Анна, не переставая удивляться местным обычаям.

Тем временем они за несколько минут добрались до ближайшего ресторанчика, который, как не замедлила прокомментировать Нурия, относился к разряду «крутых». Анна особой крутизны не заметила, разве что на каждом столе в специальной мисочке плавала свечка и стоял букетик живых цветов. Впрочем, здесь было вполне уютно, и гардероб, как ни странно, присутствовал. Правда, из-за жары сдавать туда было нечего – обе подруги были в легких кофточках и джинсах. Анна заметила, что маленький чернокожий официант у входа приветливо кивнул Нурии как постоянной посетительнице и проводил их к столику на двоих в самом углу зала. На их более чем демократичную форму одежды он и внимания не обратил, так что Анна совсем успокоилась, тем более что люди вокруг были одеты так же просто.

В ожидании меню Аня развлекалась тем, что глазела по сторонам, разглядывая жителей Дэнверса. Она пыталась составить собственное мнение о жителях этого города, один из которых устроил сегодня погром у ее подруги. Она подумала, что если их и в самом деле пытались вытурить из дома, то кто-то обязательно должен был проследить за ними, и следить до тех пор, пока они не захотят вернуться, чтобы вовремя предупредить тех, кто будет – если будет! – продолжать поиски во время их отсутствия.

На первый взгляд ничего подозрительного она не обнаружила. Народ вокруг сидел смирный, говорил тихо, и трудно было понять, о чем так интеллигентно они там шептались. Ее интерес не прошел незамеченным. Парочка за соседним столиком приняла ее любопытство на свой счет. Они почему-то напряглись и, вытащив из-под стола младенца в переносной люльке – он у них там отдыхал, – собрались по-быстрому и свалили, не переставая всю дорогу оглядываться. Анна поняла, что следует вести себя осторожнее, по сторонам глядеть аккуратнее, а то и вовсе прекратить свои изыскания, но в тот самый момент, когда она приняла это разумное со всех точек зрения решение, на место пугливых молодоженов пришла Пиковая Дама, и явно не в духе. Колоритная леди заказала себе большой стакан вина и, уставив на Анну тяжелый мутный взгляд, стала это вино потихоньку в себя всасывать. Ане стало не по себе и захотелось сказать ей: «Тройка, семерка, туз, и иди с богом, бабка». Ничего этого она, разумеется, вслух произносить не стала, тем более что леди, думающая, что ей по-прежнему двадцать, на «бабку» могла и обидеться. Она наклонилась к подруге через стол и полюбопытствовала, что это за дамочка наблюдает за ней.

– Какая? – оживилась подруга. – Ах, эта! Здравствуйте, мисс Спарк. – Расплылась она в улыбке и добавила в сторону с сердцем:

– Вот ведь принесла нелегкая.

– Кто она такая? – одними губами спросила Анна, стараясь, чтобы Пиковая Дама не видела ее лица.

Нурия не ответила, быстро достала из сумочки ручку с блокнотом, что-то черкнула в нем и сунула под нос Анне. Та прочла: «Мисс Дороти Спарк, директриса колледжа Святой Елены. Будь осторожна – дама с амбициями».

Анну так и подмывало спросить: «Почему?», но она сообразила, что все разговоры на эту тему лучше отложить на потом. Вряд ли директриса уважаемого заведения могла иметь отношение к ворами, которые так занимали Анну, поэтому она с легким сердцем перестала обращать на нее внимание. Ну или почти с легким сердцем.

К тому времени и официант подоспел. Нурия с разрешения Анны сделала заказ за двоих и быстро что-то сказала официанту, несколько раз повторив последнюю фразу. Когда он упорхнул в сторону кухни, она пояснила:

– Я заказала нам по отбивной на косточке. Наученная горьким опытом, теперь, заказывая мясо, я прошу его приготовить, прежде чем подавать на стол.

– В каком смысле?

– Ну, если специально не скажешь, каким ты хочешь видеть это мясо, принесут сырое. Это у них называется «Бифштекс с кровью». А сырое мясо я и в магазине могу купить и съесть, верно?

– Можешь, – кивнула Анна, – но мне бы не хотелось...

– Вот поэтому я и сказала ему, чтобы прожарил его как следует. Что там еще? Ах да, салат. Я заказала салат. Этот, как его, органический.

– Искусственный, что ли?

– Нет, наоборот! У них «органика» – любимое слово, то есть без пестицидов и клопомора. В смысле: гадила на него настоящая корова, а не завод в Техасе.

– Господи, Нурия, ты меня с ума сведешь, – засмеялась Анна. – Тебя послушать, так в этой Америке не жизнь, а сплошной кошмар.

– Можно подумать, я спорю, – фыркнула Нурия. – Поначалу сама обжигалась на каждом шагу. Кстати, я во всю эту ерунду с органикой не верю. Когда, например, вижу клубнику размером с кулак, то начинаю думать, что если простой, пардон, навоз и может привести к таким впечатляющим результатам, то только в том случае, если соединит свои усилия с ядерным реактором. Я ж полжизни на собственном огороде кверху попой провела, знаю, что да как растет. А эти умники для того, чтобы вырастить большую тыкву, делают бедняге уколы, представляешь?

– Ненавижу уколы.

– Можно подумать, что тыква от них тащится.

После таких комментариев содержимое собственной тарелки стало казаться Анне весьма подозрительным, но есть все-таки очень хотелось, и она решила, что от одной порции радиоактивных овощей не умрет. Очистив совесть таким образом, она с аппетитом слопала все до последней крошки, надо сказать, не без удовольствия.

Глава 7

– А теперь расскажи наконец, чего ты так боишься? – потребовала Анна тоном, не терпящим возражения.

Нурия возражать и не собиралась. Она сидела на стуле возле камина, опустив голову, избегая настойчивого, пристального взгляда подруги. Возвращение домой преподнесло им сюрприз, гораздо более неожиданный, чем тот, к которому они готовились. Они ожидали обнаружить следы повторного визита настойчивых гостей, но не обнаружили ровным счетом ничего. К дому никто не приближался, и это произвело гораздо более неприятное впечатление, чем пропажа каких-либо вещей, ибо в этом случае таинственные манипуляции со светом и сгоревшим ужином не имели объяснения. А что может быть более пугающим, чем неизвестность?

– Я жду, – напомнила Анна, поудобнее устраиваясь на своем стуле и давая понять, что не сдвинется с места, пока не получит объяснений.

И Нурия сдалась.

– Понимаешь, я не хочу верить в это, все это просто чушь какая-то несусветная, – промямлила подруга.

– А ты и не верь, – отрезала Анна. – Просто расскажи то, что знаешь. Потом вместе решим, стоит принимать это всерьез или нет. Идет?

– Хорошо. Тебе виднее...

Анна отметила про себя последнюю фразу и сразу же насторожилась.

– Я уже говорила тебе, что Дэнверс имеет давнюю историю.

– Да, я помню. Он назывался Салем, и в нем водились ведьмы. Но ведь это легенда. Припоминаю, что тот знаменитый процесс оказался простой мистификацией. Девушки, оговорившие половину жителей города, были обыкновенными истеричками, которые зашли в своих безобразиях слишком далеко. Об этом только что в учебниках по истории не пишут.

– Все правильно. Но жители до сих пор верят, что здесь жили настоящие ведьмы. – Нурия помолчала, как будто собираясь с духом, потом выпалила: – И живут по сей день.

– Что, вот прямо так и живут? – усмехнулась Анна. – И этому есть подтверждения?

– Какие подтверждения? – опешила Нури, хлопая глазами.

– Ну как же, раз они здесь живут, то должны как-то проявлять себя: устраивать шабаши, летать на помеле или что-то в этом роде. Ведь если я правильно поняла, речь идет о *настоящих* ведьмах? Так когда ты в последний раз видела ведьму верхом на венике? Или они теперь используют пылесосы?

– Ты просто насмехаешься, – обиделась Нурия.

– Ну, не совсем. Просто не понимаю, как тебя могли напугать какие-то старые сказки? Понятно, что это местные предания, легенды и все такое. Но ты же не боишься Синей Бороды?

– А почему я должна его бояться? Это же сказка!

– Да как тебе сказать, не совсем, если быть точной. Прототипом Синей Бороды был вполне реальный житель Франции, некий Жиль де Рец, который по克罗шил в капусту массу народа, в том числе – детей и женщин, среди которых были и его жены.

– Гадость какая! Ну вот, я еще не начала рассказывать, а ты мне уже не веришь, – упрекнула подругу Нурия.

– Эй, послушай! – Анна наклонилась вперед, взяла руку Нурии в свои ладони и посмотрела ей в глаза. – Я тебе верю, просто хочу, чтобы ты успокоилась и рассказала мне о реальных фактах, а не о каких-то там легендах.

Нурия, встретившись взглядом с поблескивающими в полумраке глазами Анны, почувствовала, как по телу разлилось приятное тепло и слегка закружилась голова.

– Анька, прекрати свои штучки немедленно, а то я усну, и ты ничего не услышишь, – проямлила Нурия заплетающимся языком. Анна в ответ засмеялась каким-то необычным, приглушенным смехом и сразу же, отведя глаза, хмыкнула:

– Ну вот, и в глаза любимой подруге посмотреть уже не могу просто так!

– Прости, но ты же знаешь, как твой взгляд действует на людей, – извинилась Нурия, испытывая неловкость.

– Ладно, ладно, не буду я на тебя смотреть. Рассказывай!

– Но без легенд не получится, – предупредила Нурия.

– Тогда валяй с легендами.

– Ладно, слушай. В этих местах болтают не только и не столько о Салемских ведьмах, эта история – просто приманка для туристов. Я же говорила, что даже музей у нас имеется. Есть история, о которой посторонним не рассказывают, хотя она связана с преданием о ведьмах, так как произошла в то же самое время. Речь идет о безголовом индейце.

– Это и в самом деле что-то новенькое, – заинтересованно кивнула головой Анна.

– Эту историю рассказывали еще самые первые колонисты. Не знаю, каким образом этот индеец потерял свою голову и каким образом его тело и голова оказались в разных местах, но только с тех пор у него появилась неприятная привычка – он стал эту голову искать.

– Ну, желание вполне резонное, без головы и на том свете несладко, – попыталась пошутить Анна.

– Ага. Но только искал он ее весьма своеобразно. Ловил по ночам одиноких путников, отрезал им головы и примерял, подойдет ли. А поскольку все они ему почему-то не нравились, то этот придира выбрасывал запчасть за ненужностью и начинал все по новой.

– А что происходило с теми головами потом? – спросила Анна.

– Они становились блуждающими головами и раскатывались по всей Америке. Говорят, что эти головы творили еще больше зла, чем тот индеец. Их не боялись только ведьмы. Они даже специально охотились за блуждающими головами и готовили из них зелье, от которого человек сходил с ума в страшных мучениях.

– Очень интересно, нечто в этом роде я и предполагала.

– Ты уже слышала эту историю? – удивилась Нурия.

– Да нет, но рецепт этого снадобья мне попался... Ой, извини.

Нурия округлила глаза:

– Ты хочешь сказать, что *это* существует на самом деле?

– Да ничего я не хочу сказать! Я же не говорю, что оно действует. А если посмотреть некоторые учебники по части колдовства, так там чего только нет: и сушеные летучие мыши, и жабы глаза, и желудок вороны... Тьфу, да не смотри ты на меня так! Рассказывай дальше!

Нурия сглотнула, покачала головой, но продолжила:

– Блуждающие головы чаще всего появлялись в окрестностях Салема. Кроме того, именно на местном кладбище вырастала плач-травя...

– А, знаю, это та, которая по ночам тихонько плачет, как маленький ребенок, да?

– Она самая. Из нее тоже готовили какое-то варево.

– Ну да, кажется, оно предназначалось для того, чтобы человек покончил с собой, а потом превратился в плачущее привидение.

– Слушай, а чего я тебе все это рассказываю? Ты и так все знаешь. Ты, случаем, не из этих краев родом? – ворчливо спросила Нурия.

– Не-е, сами мы не местные. Просто книжки умные читаем. Ну, может быть, и не слишком умные, зато полезные, – рассмеялась Аня.

Нурия тоже не удержалась от улыбки:

– Ладно, образованная ты моя, слушай дальше. Неподалеку отсюда есть Вороний холм, или его еще называют холмом Безголового индейца. Под ним когда-то похоронили казненных ведьм. Местные всегда обходили его стороной, а теперь и вовсе боятся сунуться туда. Даже днем.

– Ты намекаешь на то, что в последнее время случилось нечто, усилившее их страх? Тогда с этого места поподробнее. Уж не о той ли безголовой женщине в часовне идет речь? – продемонстрировала Анна свою догадливость.

– Ты почти угадала, – кивнула Нурия. – Но дело в том, что та женщина – не первый случай.

– Та-а-ак, – протянула Анна, – кажется, я начинаю понимать.

– Жители и раньше-то были помешаны на суевериях. В них уживается яростное пуританство и вера во всякую чертовщину, которая мерещится им в самых невинных вещах. А теперь, после двух загадочных случаев с отрезанными головами они и вовсе помешались от страха. Когда я увидела, что кто-то похозяничал в нашем доме, то подумала, что меня хотят напугать.

– Зачем?

– Чтобы выжить! Мы здесь чужие, а чужие вызывают у них подозрения. Кроме того, Лелька обнаружила то тело и оказалась невольно причастной к этому ужасу.

– Не хочешь же ты сказать, что они считают вас ведьмами? – рассердилась Анна от одного только предположения.

– А кто их разберет? – уныло пожала плечами Нурия.

– Бред какой-то! А что там за первый случай? Надеюсь, к нему-то Лелька не причастна?

– Нет, конечно. Это произошло около месяца назад, незадолго до того, как мы арендовали этот дом.

– Тоже убийство?

– Нет, человек умер естественной смертью.

– М-да? Что-то я не слышала, чтобы отделение головы от тела происходило естественным путем, – усомнилась Анна.

– Голову отрезали потом.

– Кто?

– Не знаю. И никто не знает.

– Ладно, давай по порядку, а то у меня что-то в голове все это не укладывается.

– И не уложится. Даже если по-порядку.

– Это ты меня так успокаиваешь, что ли?

– Нет. Предупреждаю, чтоб не очень надеялась.

– О'кей! С надеждами, считай, разобрались. Теперь давай по делу.

– Первым был Шон Хаскинс. Слышала о таком?

– Нет.

– Ладно, я тоже раньше не слышала. Просто это очень известный ученый, профессор, коллекционер с мировым именем.

– Что он коллекционирует?

– Не знаю, не интересовалась. Кажется, какие-то древности. Он живет, то есть жил в Бостоне, преподавал в институте современного искусства, хотя ему, по-моему, далеко за семьдесят. Короче, знаменитость.

– И чего его в вашу глушь занесло? – не утерпела Анна.

– А черт его разберет! Мне показалось, что местные и сами ошалели от такого счастья, а он взял да и помер на приеме в свою честь.

– Отчего умер-то?

– Наверное, от старости. Другого даже и не предполагали. Во-первых, возраст. А, во-вторых, народу на этот прием набилось – чертова уйма, так что не придерешься. Каждый второй житель городка – свидетель. Говорят, что профессор скончался прямо за столом, упал, короче, лицом в салат – и все.

– То есть он умер в самом начале приема?

– Почему ты так решила?

– Ну, если речь идет о холодных закусках...

– Господи, Анька, да я просто так про салат сказала! Не знаю я, что у него в тот момент в тарелке лежало. Вот вредина.

– Но про тарелку точно?

– Точно. И чего ты к этому привязалась?

– Честно?

– Как получится.

– Сама не знаю. Просто вдруг пригодится?

– Да говорю же тебе, он умер сам по себе, сердце, что ли, отказало. Странности начались как раз после его смерти.

– Это когда голова пропала?

– Да. Его в морг отвезли, а утром по городу слух прошел, что голову профессора кто-то отпилил и свистнул в неизвестном направлении.

– Его что же, в морге не охраняли?

– Ну, специальные посты не выставляли и федеральные войска не вызывали, конечно. Никто же не знал, что так получится. Кому нужен труп, пусть даже и профессорский, кроме его родственников?

– Выходит, кому-то нужен, – резонно возразила Аня.

– Выходит. А еще выходит, что после этих двух происшествий все будто с ума посходили, только и разговоров, что о возвращении Безголового индейца.

– Да, история приключилась интересная. Ну, что же, пока Ники лежит в больнице, у меня остается масса свободного времени. Попробуем разобраться, что к чему.

– Думаешь, у тебя получится? – с сомнением в голосе протянула Нурия.

– Думать я буду после, когда соберу кое-что посущественнее легенд, покрытых плесенью, а пока, как говорится, будем смотреть.

Глава 8

Все следующее утро Анна провела с Ником. Перед отъездом из дома она столкнулась с Лелькой, вернувшейся с фестиваля клубники. Девочка выглядела уставшей, но счастливой. В руках она тащила две огромные корзины со свежими, необыкновенно крупными ягодами и настояла, чтобы Анна обязательно прихватила немножко для Ники. Это «немножко» выглядело довольно увесисто – пакет с отборными ягодами с трудом разместился на пассажирском сиденье подружкиного автомобиля. Ники пришел в восторг от ароматного угощения, Аня и заметить не успела, как он умял половину, только удивлялась, как в таком тщедушном тельце поместилось такое количество!

Они провели вместе несколько часов, до тех пор, пока Анну не выпроводила вон вежливая, но непреклонная медсестра. За время пребывания в больнице, так сказать попутно, Аня успела разузнать все последние новости. Ей стало известно, что миссис Клэрксон, как и обещала, подписала все необходимые бумаги, что тесты на совместимость дали отличный результат и операция будет проведена в самое ближайшее время. Также ей с благодарностью сообщили, что ее деньги благополучно упали на нужный счет и все формальности можно считать законченными. Оказалось, что потребуется всего одна операция, а не три, как предполагалось раньше, что значительно ускорит процесс лечения и сократит время пребывания мальчика в больнице. Последняя новость обрадовала обоих больше всего, тем более что врачи, проведя предварительное обследование, заверили их в успешном исходе операции.

Кроме того, Анна убедилась, что за ее малышом ухаживают с большим старанием. То и дело в палату заглядывала молоденькая сестричка, и, по тому, как Ники запросто общался с ней, Анна поняла, что они нашли общий язык.

Помахав в последний раз мальчику, который, как и в прошлый раз, прилип к окошку, провожая ее взглядом, она влезла в машину и, прежде чем тронуться дальше, тщательно сверилась с картой Бостона. В ее планы пока не входило возвращение в Дэнверс. Пообещав подруге разобраться с тем, что там происходит, она намеревалась сдержать слово и собиралась начать с посещения центральной библиотеки. Отыскать нужный адрес не составило труда. Старая машина, несмотря на преклонный возраст, отлично слушалась руля, и Аня без хлопот добралась по оживленной магистрали прямо до старинного здания из серого камня, в котором размещалась библиотека.

В читальном зале она загрузилась подшивками местных газет за последний месяц, отволокла их за свободный стол и принялась за чтение. Ее просьба выдать оригиналы несколько удивила служащую читального зала, так как все предпочитали пользоваться для подобных целей компьютерами, но возражать она не стала, и Анна получила желаемое в том виде, в каком хотела.

Сначала Аня собиралась воспользоваться библиотекой Дэнверса, но, хорошенько поразмыслив, решила, что это может привлечь слишком много внимания. Она уже успела убедиться, что в маленьком городке слухи разносятся со сверхзвуковой скоростью, а у Нурии и без того хватало неприятностей. На огромном столе Аня едва разместила свою добычу. Она полагала, что придется просидеть до самого вечера, однако удача сегодня оказалась на ее стороне: нужная статья обнаружилась уже через полчаса.

Посвященная внезапной смерти профессора Хаскинса, светила науки и уважаемого жителя Бостона, статья занимала целую полосу. После краткой биографической справки, касающейся его заслуг и многочисленных титулов, шло подробное описание всех трагических событий, произошедших до, во время и после торжественного приема, устроенного в честь профессора. Подробно, чуть ли не поименно, перечислялись все присутствующие лица, имеющие хоть какой-нибудь вес в Дэнверсе. Аня бегло пробежала длинный список

имен, которые ей ничего не говорили. Все, кроме одного. В числе прочих упоминалась мисс Дороти Спарк, и Аня сразу же вспомнила похожую на Пиковую Даму директрису колледжа. Впрочем, ее присутствие на банкете ничего не меняло. Гораздо больше Аню заинтересовало упоминание о том, что сам умерший профессор, который, как выяснилось, занимался археологией, накануне приема успел сделать необычное и весьма загадочное сообщение, над смыслом которого до сих пор ломали голову многие. В частности, он заявил, причем с очень таинственным видом – эти слова в статье были выделены жирным курсивом, – что намерен провести на следующий день пресс-конференцию, где сообщит о сенсационном открытии, которое сделает Дэнверс самым знаменитым местом на земле.

Прочитав эти строки, Аня не удержалась и присвистнула, выражая свое изумление, чем вызвала неудовольствие почтенной дамы в массивных старомодных очках за соседним столиком. Поймав ее возмущенный взгляд, Аня покраснела, пробормотала извинения и уткнулась носом в газету.

Помимо текста, в статье имелаась большая фотография профессора. С не очень четкого снимка на Анну смотрел седой, но крепкий старик в хорошо сшитом костюме и мягкой светлой шляпе. Глаза мистера Хаскинса тонули в тени, отбрасываемой ее широкими полями, но, тем не менее, Анна сумела разглядеть выражение проницательности и иронии, таившееся в уголках. Подпись под снимком гласила, что это одна из последних фотографий ученого, сделанная в декабре прошлого года. Единственный вывод, который Анна сочла полезным для себя, заключался в том, что профессор, несмотря на преклонный возраст, сохранил ясность своего блестящего ума. Об этом говорили его глаза, и это означало, что его заявление о сенсационном открытии в Дэнверсе заслуживало пристального внимания. Профессор знал, что говорил, теперь Анна в этом не сомневалась. Но что это за открытие – вот что не давало ей покоя. Не из-за него ли пострадал великий ученый, точнее, его тело, лишившееся головы? Аня чувствовала, что ответ на этот вопрос может многое прояснить. Вот только кто в состоянии на него ответить? Она была уверена, что желающих докопаться до истоков загадочного заявления нашлось немерено, но, судя по тому, что загадка так и осталась неразгаданной, успеха никто не добился. Или добился, но скрывает результат?

Анна задумчиво кусала губы, размышляя над всем этим. Ее взгляд бесцельно блуждал по раскрытой газетной странице, время от времени останавливаясь на фотографии. Так продолжалось до тех пор, пока ее внимание не привлек фон, на котором был снят профессор. Она еще раз прочла подпись под фотографией. Интересно, значит, этот шикарный особняк позади мистера Хаскинса – его дом, в котором он прожил последние пятнадцать лет? А почему бы ей не попробовать...

Светло-зеленый «Форд» сделал очередной поворот и плавно затормозил у тротуара. Анна еще раз сверилась с фотографией в газете, которая лежала на соседнем сиденье. Все правильно, дом тот самый. Анна записала адрес, который прочла на табличке, сунула бумажку в карман и снова тронула машину с места. Посещение родственников профессора она наметила на завтра. Поиски нужного дома заняли весь остаток дня, и на улице уже темно. Являться в чужой дом с вопросами на ночь глядя – дурная идея, которая вряд ли приведет к нужному результату, поэтому она решила набраться терпения и покатила в Дэнверс.

Вечер прошел славно и уютно. Странно, но здесь, так далеко от ее родины, она чувствовала себя как дома. Может быть, потому, что рядом были люди, любящие ее и любимые ею, те, кто не требовал от нее за свою любовь каких-то особенных поступков, не требовал притворяться счастливой, когда ей этого не хотелось. Они просто делились с ней своим теплом, просто так, ни за что. И Анна понимала, что именно им, если понадобится, она отдаст все, что у нее есть, все, до последней капельки.

А ночью Леля опять кричала во сне. На этот раз Аня не удивилась, услышав приглушенный стон, разбудивший ее среди ночи. Она вошла в спальню к девочке и присела рядом с

ней на кровать, всматриваясь в искаженные мукой черты. Понять, что пугает ребенка во сне, было невозможно. Леля постоянно повторяла одни и те же слова, прося кого-то невидимого не делать *этого*. Чего? Понять это из бессвязного лепета Анна не смогла, хотя просидела возле девочки почти до рассвета.

По пути в больницу на следующее утро Анна завернула в маленькую лавочку, торгующую игрушками ручной работы. Еще накануне она заметила в витрине очаровательного медвежонка, чем-то похожего на Ники. Медвежонок, сшитый из голубого меха, грустно смотрел на прохожих сквозь стеклянную витрину большими печальными глазами. Продавец сказал, что этот мишка выполнен в единственном экземпляре известным бостонским кукольным мастером, но, к сожалению, у медвежонка имеется небольшой дефект – один лоскуток меха немного отличается по цвету от остальной шкурки, поэтому зверушку продают с большой скидкой. Анна задумалась. Ей не хотелось дарить Ники бракованную игрушку, пусть даже и от известного художника, но, взглянув еще раз в грустные карие глаза медвежонка, она решилась – медвежонок был очень обаятельным.

Она предвкушала, какое удовольствие получит Ники от ее подарка, но тут оглушила новость: Ники увезли на операцию... Внезапно образовалось окно, объяснила медсестра, а мальчик был полностью готов, хотя оперировать его планировали только через день. Поэтому его срочно положили на операционный стол, операция идет уже два часа: через несколько часов будет известен результат.

Прижимая к груди игрушку, Анна обессиленно прислонилась к стене в больничном коридоре, тупо глядя прямо перед собой застывшими глазами. Она готовила себя к тому, что Ники будут оперировать, но эта внезапная перемена планов ударила ее как обухом по голове.

Она очнулась только тогда, когда почувствовала, что ее настойчиво теребят за рукав и, словно проснувшись, посмотрела слегка затуманенным взглядом на темнокожую полную женщину в белом халате.

– Вы в порядке? – спросила та.

– Да. Извините, я на минутку задумалась и не слышала, как вы подошли, – смущенно улыбнулась Анна.

Женщина неожиданно засмеялась:

– Вы говорите, на минутку? Милая, вы простояли здесь три часа, и я прошла мимо вас минимум раз пятнадцать за это время. И ни разу вы меня не заметили. Стояли тут неподвижная, бледная. Я уж подумала, что у нас в клинике завелось привидение. – Женщина снова засмеялась, довольная собственной шуткой.

Аня через силу улыбнулась, чтобы не показаться невежливой.

– А почему вы не спрашиваете меня, как прошла операция? – строго спросила врач.

– Какая операция? – оторопела Анна. В горле у нее моментально пересохло, голос прозвучал хрипло и очень тихо.

– Деточка, с вами точно все в порядке? – всерьез забеспокоилась женщина.

Анна посмотрела на нее и встретила усталый взгляд с насмешливым всеведением на дне и понимающую улыбку с грустинкой в уголках рта.

– Что с Ником? – выдавила она. – Где он?

– В реанимации, где ж ему быть после операции? Не хотите на него взглянуть?

– А я могу?

– Ну, если одним глазком, то...

– Господи, пожалуйста, проводите меня к нему! – взмолилась Анна. – Я заплачу вам!

– Ты эти глупости брось, – неожиданно строго сказала женщина. – Вы, русские, такие странные... – Она покачала головой и повернулась, предполагая, что Анна сама догадается последовать за ней.

Ник, весь оранжевый от йода и аккуратно запеленутый ниже пояса в зеленую стерильную ткань, лежал на животе с закрытыми глазами. Анна прислушалась, не сводя с него глаз: дышал он тихо, но ровно. Впервые она позволила себе прислушаться к внутреннему голосу, чтобы узнать будущее мальчика. Она поняла, что операция прошла успешно и с этой стороны Нику ничто не угрожает. Заглядывать дальше она не решилась, не желая искушать судьбу.

Отпущенное ей время истекло. Толстуха-докторша подавала ей от двери отчаянные знаки, призывая немедленно покинуть палату. Анна кивнула, бросила на спящего после наркоза малыша последний взгляд, усадила на тумбочку голубого медвежонка и прошептала, обращаясь к нему:

– Смотри, береги своего маленького хозяина!

Медвежонок старательно таращил на нее глаза, выражая полную готовность выполнить поручение.

Глава 9

– Могу я поговорить с Абигейл Хаскинс?

Простой вопрос как будто удивил высокую стройную девушку, открывшую Анне дверь.

– А кто вы? – спросила девушка настороженно, покусывая белоснежными зубками пухлую нижнюю губу, слегка оттопыренную, как у обиженного ребенка.

Аня растерялась, прежде всего от того, что никак не могла сообразить – кто перед ней. Горничная? Родственница профессора? Соседка? Она знала только имя профессорской жены, в газете не была напечатана ее фотография и ничего не говорилось о ее внешности и возрасте. Эта девочка, учитывая весьма преклонный возраст ученого мужа, вряд ли могла оказаться его супругой – ей было не больше девятнадцати. У нее было приятное лукавое лицо с пухлыми губами. Она выглядела свежей и чистенькой, как после стирки. Короткие, слегка волнистые волосы забавно топорщились во все стороны. Нет, это никакая не жена, скорее дочь, а то и вовсе внучка. Но Анна ошибалась. Это была именно жена Шона Хаскинса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.